

18+

АЛЕШ ТАЙ

SKYDOKA

ГОД СОБАКИ

DAY I – III

Алеш Тай

Skylord. Год Собаки ▽ Day I — III

«Издательские решения»

Тай А.

Skylord. Год Собаки ∇ Day I — III / А. Тай — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Бессмертный дух, способный летать сквозь пространство и время, добровольно соглашается стать смертным мальчиком и войти в смертельную Игру — Ритуал, где победитель получает исполнение любого желания, а проигравшие умирают. Но чтобы пройти Игру до конца, ему придётся научиться главному, что недоступно богам: проигрывать, терять и любить.

© Тай А.

© Издательские решения

Содержание

SKYLORD	6
Пролог	7
DAY I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Skylord

Год Собаки ▽ Day I — III

Алеш Тай

Дизайнер обложки П. Е. Ивонинский

© Алеш Тай, 2026

© П. Е. Ивонинский, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-8013-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алеш Тай

SKYLORD

ГОД СОБАКИ ∇ DAY I — III

Крылья не навсегда, лишь на время
Sky

Пролог

Я — наблюдатель в далеком космосе, за многие миллионы световых лет от Земли.
Пространство вокруг спокойно, дремлет в туманной дымке. Я не человек. Бессмертный дух, играющий среди звезд.

Скайлорд.

Но так меня называют редко.

Небесный Лорд, как и Бог Полета, слишком старомодны. Пилот, Навигатор. Или просто Летчик.

Друзья зовут Скай.

Я всегда точно знаю место и время, где нахожусь. И могу найти любые другие места и времена, проложить маршрут и провести сквозь пустоту и потоки событий.

Это мой дар.

Но я не божество и не зазнаюсь.

Когда-то я родился на Земле обычным мальчиком, а потом вырос и шагнул к звездам.

Полетел.

Я не мог вернуться.

Космический ветер странствий звал меня в путь. Хотелось куда-то лететь, ехать, бежать — в поисках неведомого.

Все, кого я любил, остались за пропастью времени и расстояний.

Остались во снах о Земле.

Порой я встречал версии Земли в иных линиях времени и делал перерыв. Невидимым летел над океанами и материками, жил в городах.

Рождался.

А потом наступало время прощаться.

Я уходил, скользя по изгибам временных полей. Дрейфуя в течениях, купаясь в пенистых поверхностях звезд.

Нырять в черные дыры.

Бродил по древнему звездолету, который падал, увлекаемый осевым течением в аморфный космос.

Я думал о том, что счастлив.

И о Земле.

Разумный корабль погиб в магических войнах за реальность. Панели управления работали, отзываясь красными символами языка мертвых. По экранам до сих пор бежали строки сообщений, которые я не мог прочесть.

Звездолет стал моим домом.

Почти все время я проводил на мостике, изучая в памяти корабля языки и историю вселенных.

Мой день не отличался от земного.

Я поднимался из каюты, сканировал окрестности, занимался в библиотеке, а затем отправлялся на прогулку. Меня ждала звезда неподалеку.

Я называл ее Ма.

Сегодня звезда пульсировала, передавая сигнал бедствия. Я был уже рядом, когда ощутил, что нужно срочно вернуться.

Что-то случилось.

Мгновенно переместился к звездолету и... сразу все понял.

Уловка.

Некто, пожелавший сохранить инкогнито, оставил мне послание. Прекрасный мерцающий куб, само совершенство.

Он вращался в пустоте.

Я приблизился к кубу и услышал в голове женский голос:

— Это приглашение. Согласны ли вы получить его?

— Да, — сказал я.

— Согласие получить означает согласие с правилами. Это согласие не знать правил и все забыть по прочтении. Вы согласны?

— Да, — повторил я.

— Вы приглашены пройти Ритуал. Координаты пространства и времени в конце сообщения. Победитель получит исполнение любого желания. Вы согласны?

Я молчал.

Мерцающий куб медленно вращался в пустоте.

Мне доводилось слышать о первичных объектах, доставляемых тайными посланниками. Простые, но завораживающие геометрические фигуры с приглашениями внутри.

Женский голос повторил:

— Вы согласны с условиями?

И я повторил снова:

— Да.

— Принято, — отозвался голос.

Куб остановился и развернулся в плоскость, на которой словами общего языка был начертан договор.

Я ощутил кинжал телепатического луча, фразы вспыхивали в уме.

Согласно условиям, я не знал, какое куб выберет воплощение. Моя форма будет одновременно подсказкой, препятствием, загадкой и ключом.

Плоскость сложилась в куб.

Куб взорвался.

Вспышка черноты.

Удар.

DAY I

1.

Я открыл глаза в черной воде.

На глубине.

Сквозь водную толщу где-то далеко наверху светила луна. Я медленно поднимался на поверхность.

Черная шелковистая вода струилась по лицу, рукам, между пальцами.

Когда я привык к темноте, смог различать стены из грубо отесанного камня и понял, что нахожусь в шахте колодца, заполненного чистой черной водой.

Тьма не имела дна.

Я поднимался к поверхности, все ближе и ближе, не отрывая от луны глаз. Лунный круг преломлялся волнением водного зеркала, блики падали на стены.

Таяли.

Мое лицо появилось по ту сторону темноты, и я пересек границу небытия.

Взлетел к потолку в лунных лучах, одежда сразу высохла. Не моргая, я смотрел на луну, она была такой же, как на Земле.

И сделал первый вдох.

И еще.

Сердце ударило в груди, начало свой бег. Теперь оно будет стучать, пока для этого остается повод.

Я снова дышу, в моей груди бьется человеческое сердце.

А значит, я живу.

Память осторожно возвращалась ко мне в потоках лунного света.

Стены часовни были сложены из такого же камня, что и колодец. Наверху они плавно смыкались в свод с круглым окном. Среди ночного неба сияла полная луна.

Я перевернулся лицом вниз.

Было очень тихо. Где-то медленно и неритмично падали капли.

Колодец виделся как на ладони. Многометровое черное зеркало, пойманное в круг.

Каменный борт с железными перилами поднимался над полом, охватывая колодец широким кольцом. К воде спускалась металлическая лестница и вместе с поручнем уходила в глубину.

Капли падали все медленнее, и я подлетел к водному зеркалу. Поверхность дрожала, отбрасывая лунные блики на мое лицо, на стены часовни и потолок.

Я смотрел в черное зеркало, но оно не могло понять, кто перед ним.

Отражалось нечто неопределенное.

Постепенно вода успокоилась, и я увидел мальчика в рубашке-безрукавке, в джинсах, с кедами на босую ногу. С отросшими к концу лета, выгоревшими на солнце волосами.

Самый обычный сорванец.

Какого можно встретить в любом дворе и через секунду не вспомнить лица, взгляда внимательных серых глаз.

Вода прочитала мою память или то, каким я хотел себя помнить.

Лунные блики остановились.

Мы смотрели друг на друга. Когда-то я выглядел как он.

Слева на рубашке светилась метка.

Я вспомнил, кто я, откуда пришел и зачем. Что умею летать без крыльев и машин. Сквозь пространство и время.

И вдруг понял, что вижу себя.

Я всмотрелся в бездну истинным зрением. Кто-то еще появился в колодце, в полной темноте, глубоко под водой.

За гранью бытия.

Неподвижная вода была кристально чиста, прозрачна. Лучи пронизывали колодец, подсвечивая каменную кладку стен.

Я смотрел, как из глубин, раскинув руки, поднимается силуэт.

Сердце пропустило удар.

Абуминог.

Илька, друг детства. Шли с репетиции, заступился за сестру. Короткая стычка, кровь на асфальте. Он умер у меня на руках.

Это было так давно.

Блики встрепенулись, запрыгали по стенам. Абуминог появился в черном зеркале и пересек границу небытия.

Минуту он лежал с закрытыми глазами.

Судорога прокатилась по лицу. Илья сделал первый вдох, вздрогнул, когда начало биться сердце.

И открыл глаза.

Я висел в метре над абуминомом.

— Привет, — тихо сказал Илья. — Что тут делаешь?

— Жду.

Куб выдернул абуминога из потока реальности и привел в Ритуал. Между нами лежали бесконечность, миллионы лет.

Не думал, что когда-нибудь встретимся.

Мы вместе ходили в школу, в разные классы. Бегали в одном дворе. Играли на гитарах.

— Где мы? — он перешел на шепот.

Я пожал плечами:

— Не знаю.

— Вроде ночь... Луна. Помнишь, как смотрели на нее в бинокль?

Он не до конца перешел в этот мир. Лежал на черном зеркале, на границе жизни и смерти. Куб мог отозвать абуминога. Я не хотел, чтобы он уходил. Не хотел его терять.

Быстро протянул руку:

— Идем?

Илья принял ладонь.

Я помог абуминогу пересечь невидимую грань, поднял его в воздух.

И отпустил.

Одежда на Илье высохла в один миг. Мы парили в невесомости.

— Интересно... Вот как ты летаешь. В чем секрет?

— Поделился квантами воздуха.

— Даже так? — иронично сказал он. — Мой пернатый друг. Несет квантовые яйца.

Абуминог оживал на глазах, становился собой.

— Я тебе снесу... — я замахнулся, а Илья, смеясь, парировал удар.

Мы кувыркнулись в воздухе.

Потеряли равновесие, падая в воду. Я поймал абуминога за рубашку у поверхности.

— Теперь я знаю, что ты — это ты, — сказал он совершенно серьезно. — Рад тебя видеть, бро.

— Взаимно, — серьезно ответил я.

— Но все странно.

— Более чем.

Мы висели в десяти сантиметрах над черным зеркалом. Лунные блики остановились.

Он посмотрел в бездну.

— Там, в черной воде. В глубине... Я думал, что умер. Колодец, лунный свет. И ты... летаешь.

Я поднял бровь:

— Заплачешь?

Абуминог поднес к моему носу кулак.

— Видел?

Смеюсь, я отмахнулся.

— Кстати, — сообщил Илья, — это не луна, а лампа. Слышу, как звенит спираль.

Нас медленно разворачивало в воздухе, мы висели почти что вниз головой. Волосы абуминога касались воды.

Я взлетел к потолку.

Опустил Илью за ограждением и отозвал кванты воздуха. Гравитация вернулась.

Абуминог переступил босыми ногами по каменным плитам.

— Почему босиком? — спросил я и увидел, как по лицу друга пробежала быстрая тень. Или показалось?

Он ответил после паузы:

— Вылетел из окна.

Поднял взгляд:

— Что будем делать? У тебя есть план? Потому что у меня — нет.

Загремел засов.

Тяжелые готические двери, заскрипев, открылись, и на нас обрушилось яростное пламя летнего дня. Порыв ветра принес запахи моря, раскаленного камня и солнца.

Несколько секунд лунный свет боролся с солнечным, а ночной — с дневным. Луна побледнела, стала большой лампой.

Мы почти мгновенно ослепли.

Я увидел нас со стороны, пересекавших границу небытия. Из тьмы, из черной воды времени. Ошеломленные, мы стояли в огне дня, прислушиваясь к голосам.

— Эй, там... Прикройте дверь, — голоса раздавались совсем близко.

Силуэты спустились по ступеням, и я разглядел человека средних лет в костюме-тройке в сопровождении охраны.

Голос сказал кому-то у дверей дня и ночи:

— Пресса? Запустите одного.

Спокойный баритон с легкой хрипотцой. Привыкший повелевать. Неизвестно откуда, но я знал, что это мэр.

Охранники в черном замерли.

Приблизился новый силуэт, оказавшийся человечком с выпуклыми глазами. Встал с блокнотом за спиной мэра. Я принял его за репортера, но он просто изучал меня взглядом, не задавая вопросов.

Двери затворились, оставляя узкий проход в пылающий летний день.

И я увидел.

Жуткое чудовище, смесь дога и рептилии, на расстоянии вытянутой руки, оскалив пасть, полную острых, как бритвы, зубов, улыбалось мне.

Оно появилось из пустоты.

— Вы знакомы? — спросил мэр, а человечек с рыбьими глазами наблюдал, не мигая.

Я покачал головой:

— Нет.

Но я лгал.

Мы встречались раньше. Чудовище следовало за нами или впереди нас. Оно пришло из-за грани небытия, как и мы. Оно проникло из снов, где я всегда умирал.

— Привет, — сказал чудовищу Илья.

Положил ладонь на уродливую голову. Чудовище закрыло глаза, показав зубы в несколько рядов.

Качнуло хвостом.

Объятый мистическим ужасом, я молчал, ощущая, как невидимые волоски на коже встают дыбом.

Мэр буднично произнес:

— Это Синг.

Абуминог присел, обнял чудовище за шею. Повернулся, улыбаясь:

— Это нечто, бро... Мы будем друзьями.

Мэр бросил взгляд на часы.

— Сделаем заявление для прессы.

Не оборачиваясь, мэр махнул рукой.

Застенчивый репортер, блеснув глазами, отошел к фотоаппарату на треноге. Поднял тарелку вспышки над головой.

Абуминог выпустил Синга.

И мэр произнес самую короткую речь, которую я когда-либо слышал:

— Поздравляю гостей Тридцать Первого Сезона с прибытием в город Снов.

Встал слева от нас, а Синг — справа.

— Снимок для истории.

Человечек ловким движением снял крышку с объектива. Щелкнул затвор, вспышка залила нас ослепительным магниевым светом.

Одновременно случились три вещи.

Метка на груди полыхнула багровой молнией. Закоротило проводку, сверху посыпались искры.

Луна погасла.

Мы оказались во тьме.

Охранники в черных костюмах схватили репортера.

— Уберите его! — смеясь, крикнул мэр. — Пока он всех не поджарил.

Человечка с рыбьими глазами вынесли за дверь.

Мэр произнес с торжеством:

— Первый день в Ритуале с нетерпением ждет своих героев. Удивите. Раскройтесь. Покажите лучшие версии себя.

Мэр поднялся на каменные ступени к узкому проходу в тяжелых готических дверях, за которыми полыхало солнце.

Обернулся.

— Следуйте за мной.

Двери распахнулись, и мы с абуминогом с закрытыми глазами вошли в яростное пламя первого дня.

2.

Лето обрушилось ослепительным солнцем, опалило дыханием.

Секунду мы шли, не открывая глаз.

Камень мостовой жег ступни. Воздух то замирал, то накатывал раскаленной волной.

Несколько шагов из дверей среди прохожих.

У лимузина, нацелив объективы, поджидала пресса. Репортеры с блокнотами бросились навстречу.

Мэр поднял ладонь.
Щелканье затворов. Оживление. Сверкнули вспышки.
Кто-то выкрикнул:
— Городская газета. Пару вопросов, пожалуйста!
Мы остановились, мэр нагнулся к нам:
— Готовы?
Прохожие останавливались посреди улицы, начала собираться толпа.
Щурясь и явно скучая, вперед вышел Синг, приоткрыл один глаз. Все замерли на почти-
тельном расстоянии.
Чудовищу улыбались. Видимо, Синг был местной знаменитостью.
Человек из газеты громко спросил:
— Ваш первый день. Как прибытие? Как встреча?
— Холодно... А потом жарко, — сказал Илья. — И луна погасла.
Репортеры рассмеялись. Он мгновенно расположил их к себе.
— Какие планы? Чем займетесь сегодня?
— Где мы? Надо найти глобус. Потом съедем кого-нибудь.
Раздался смех — Илья набирал очки.
Какой-то прохожий выкрикнул из толпы:
— Кого вы убьете первым?
Парень в цветастой рубаше, соломенной шляпе и пляжных очках.
— Дайте угадаю, — сказал я. — Вас?
Репортеры, смеясь, оборачивались, пытаясь обнаружить выскочку.
Я услышал хриплый баритон мэра:
— Уберите.
Обжигая, подкатила волна горячего воздуха.
— Кто будет первой жертвой? — выкрикнул парень, придерживая шляпу. — Назовите
имя.
Мэр махнул прессе:
— Мы закончили.
Близнецы в черных костюмах распахнули двери лимузина. Первым в просторный салон
с кожаными диванами заскочил Синг, следом босыми ногами переступил порог Ильи.
Позади, сквозь охрану, прорывались репортеры, выкрикивая вопросы.
Я сел на диван к абуминогу.
Неожиданно заметил тихого человечка с рыбьими глазами. В шерстяном пиджаке и брю-
ках, несмотря на жару, он стоял среди репортеров, глядя на меня.
Мэр вошел последним.
Двери закрылись.
— Виктор, Марк, в гостиницу, — приказал мэр близнецам. — Принц знает?
— Встреча через час.
— Тогда едем?
Синг развалился на диване.
Мы оказались напротив мэра, абуминог занял место у окна, я — в центре.
Перегородка, отделяющая нас от близнецов, поднялась. Лимузин тронулся.
Я пригнулся рассмотреть, откуда мы вышли.
Часовня.
Она примыкала к домам, и только по высоким дверям в готическом стиле можно было
отыскать ее среди зданий.
Скрылась за деревьями.
Мы проехали квартал, повернули на светофоре налево, выбрались на шоссе.

Сняв пиджак, мэр остался в белой рубашке. Закинул ногу на ногу.

Нацепил круглые очки.

Просматривал документы в черной папке, скользя взглядом по страницам.

Иногда мэр касался камня на пальце левой руки. Камень вспыхивал бирюзовым, оранжевым или черным.

Не отрываясь от бумаг, произнес:

— Движение на мосту перекрыто. Направляемся к Центральному Вестибюлю.

Коснулся камня.

Я догадался, что мэр отправляет документы на исполнение.

В часовне я не заметил камня, он был прозрачен, как стекло, невидим.

Похож на кристалл кварца, меняющий окраску от угла, под которым падал свет.

Огранка улавливала лучи, и они оказывались заперты в кристалле.

Но этот камень был другим.

Я знал его.

— А вот и ваши факсимиле... — Мэр переложил один из листов наверх. — Вижу, вы без сопровождающих. Кто-то будет?

Мы с абуминогом переглянулись. В вопросе таился подвох.

— Мы не знаем, — сказал Илья.

Мэр глянул поверх очков:

— Тогда вы переходите в собственность Ритуала. Вам назначается опекун до особого...

Я перебил мэра:

— Постойте!

Вдруг ощутил себя в романе ужасов с несчастливым концом. Внутри неприятно похолодело.

— Вы нас похищаете?

Мэр воскликнул:

— Исключительно в гастрономических целях, поверьте! Обычно мы с Сингом едим детей сразу за поворотом.

Мы так и прикипели к сиденьям.

Глянув на наши лица, Синг усмехнулся двумя рядами острых зубов.

Чудовище лежало на диване, положив уродливую морду с острыми ушами на скрещенные передние лапы, и переводило насмешливый взгляд с меня на Илью и обратно.

Мэр отложил бумаги в сторону:

— Забыл представиться.

— Вы мэр, — мрачно изрек абуминог. — Мы догадались, кто вы.

— Неужели?

— Дело в камне. — Я прислушался к ощущениям. — Откуда он у вас? Чувствую связь, словно мы знакомы.

Мы с абуминогом пригнулись, разглядывая прозрачный кристалл.

Камень засиял, освещая наши лица лазурным, бордовым, изумрудным. Стал прозрачным.

Илья ткнул меня локтем.

— Видел?! Он с тобой поздоровался.

Мэр потрепал Синга по загривку.

— Снова без завтрака... — он вздохнул. — Присмотри, чтобы гости не влипли в душе-раздирающую историю. Или мы останемся и без ужина.

Под смеющимся взглядом Синга наши задницы вновь прикипели к дивану.

Лимузин летел по серпантину все выше.

Мэр сказал сам себе:

— Кого вы убьете первым?

Я молчал.

— Эта история с вопросом не дает покоя. Высокий сезон... привлекает безумцев. С некоторыми... я бы не назвал их людьми... лучше не сталкиваться.

Мэр покачал головой:

— Мне интересны и вопрос, и ответ.

Помолчав несколько секунд, он пустился в рассуждения.

В хриплом голосе чудился второй голос, который то пропадал, то появлялся, звуча выше и издалека, иногда в октаву, чаще в кварту или квинту.

Я закрыл глаза.

Сознание вышло из тела, и я увидел панораму с высоты птичьего полета.

Лимузин, ползущий по серпантину, океан до горизонта, бухточки с яхтами и пристанями, плато, скалы желтого песчаника, дальние горы с ледяными вершинами.

Город Снов каскадом зданий и зеленых улиц спускался к заливу.

От площади в небеса поднималась каменная лестница, она казалась ослепительно белой, таяла в солнечной дымке.

С севера приближались сизые тучи с косыми полосами дождя.

Вдруг сознание сложило крылья. Я упал сквозь крышу лимузина вниз и...

Темнота.

Я висел в черной комнате с зеркальными стенами остановленным кадром. Мое время замерло. Кто-то поймал меня в падении.

— Эй... Скайлорд.

Тихий голос со всех сторон.

Детский.

— Где я? — я ответил так же тихо. — Не чувствую координат.

— На Астараксе. В луче.

Я дернулся, но невидимый луч не давал шевельнуться.

Голос сказал снисходительно:

— Бесполезно.

Луч заморозил меня в стоп-кадре бытия, бесконечно замедляя. Я перевернул вектор времени, и оно пошло назад.

Появилось движение.

— Ты в нуль-комнате, — пояснил голос. — И будешь здесь, сколько я захочу. Пока не согласишься или не умрешь.

Помолчав, добавил:

— Поможешь мне, а я тебе.

— Нет.

Я рванулся и выпал из зеркальной комнаты в салон лимузина.

Резко открыл глаза.

Сознание было чистым и ясным. Чувство места и времени восстановилось.

Я вернулся.

Никто не заметил моего отсутствия.

Разговор, как ни в чем не бывало, шел своим чередом, но я не мог разобрать ни слова в абракадабре.

Мое время шло назад.

В ошеломлении я снова перевернул вектор и услышал мэра:

— Ритуал бесконечно терпелив... Однако нарушителей ждет смерть и изощренные наказания после смерти. Или наоборот.

— Наоборот?

Я бросил взгляд на абуминога: он смотрел в окно, не вникая в разговор.

— Вечная смерть. Казнь в жерле вулкана.

Очки мэра блеснули:

— Собираетесь нарушать правила?

— Понятия не имею, — я пожал плечами. — А придется?

Синг рассмеялся глазами.

— О... Как это интересно, — проговорил мэр, глядя чудовище по загривку. — Много-обещающий молодой человек.

Камень на пальце зажегся алым.

Теперь второй голос в голосе мэра звучал отчетливо:

— Меня совсем не обманывает то, как вы выглядите. Этот инфантильный облик беспечных подростков.

Мэр снял очки, и я понял, что он смотрит истинным зрением. Глаза светились синим пламенем.

Время чуть ускорилося, а окружающая реальность поблекла. Ярким и различимым до мельчайших деталей становилось только то, на чем сфокусировано внимание.

— Я не знаю, кто ты... — произнес мэр двумя голосами. — Но ты не тот, за кого себя выдаешь.

Лимузин накренился.

Шоссе меняло направление, огибая залив. Слева проносилась стена песчаника, справа мелькали белые столбики на краю пропасти.

Я глянул на Илью.

Абуминог отгородился от реальности, рассматривая прибой внизу, пристани с яхтами, каменистый пляж.

И я понял, что тоже смотрю истинным зрением, сработал рефлекс.

Но я не различал в мэре и Синге аберраций реальности. Они были теми, кем были. Небольшие странности не в счет.

А что показалось мэру, я не знал.

Меня все видели по-разному. Свои страхи, мечты и надежды. Давно умерших и любимых. Это могло быть все что угодно.

Синг тоже смотрел на меня.

Без улыбки, но и без зла. Он смотрел простым зрением, но я мог поклясться, что видел в его зрачках печаль.

— Ничего себе... — сказал Илья. — Лестница в небеса.

Мэр погасил истинный взгляд, синее пламя в глазах исчезло, и я — следом.

Солнечному дню вернулись краски.

Вдалеке поднималась лестница из белого камня и таяла в лазурной синеве. Было непонятно ее предназначение.

Вверх по лестнице, ведущей вниз, или вниз по лестнице, ведущей вверх?

Мэр посмотрел сквозь стекло.

— Местное чудо, — охотно пояснил он. — Лестница Богов. Или просто Лестница.

— Боги спускаются к вам с небес? — удивился абуминог.

Мэр, смеясь, замахал ладонью.

— Нет-нет... Просто мраморные статуи. Древние Боги предшественных вселенных, которых мы любим и помним.

— Для чего они?

— Паломникам для восхождения. Гости любят город с высоты. Местные иногда ходят молиться, попросить что-нибудь.

— Им отвечают?

— Да кто же его знает... — сказал без тени иронии мэр.

И тут Илья прямо спросил:

— Что такое Ритуал?

Мэр замолк.

Казалось, что растерялся, хотя минуту назад пылал красноречием. Камень на руке был прозрачен, бесстрастен.

— Это игра?

Он ответил тихо:

— Не игра. Все по-настоящему.

— Мы умрем? — спокойно спросил Илья.

— Кто-то, случается, умирает... на дуэли или срывается со скал. Яд в бокале, укус паука.

Кто-то тонет в море.

Абуминог помолчал.

— Мы умрем?

Я не слышал страха в голосе друга. Скорее, интерес или удивление.

— Как в жизни. Это невозможно знать заранее. Почему... такой вопрос?

— Потому что я знаю.

Мэр надел очки и озадаченно смотрел на абуминога.

— Я знаю, что вы не люди, — сказал Илья, глядя в окно. — Монстры. Но не знаю, что вам нужно.

Невозможно понять, шутит он или нет.

Мэр кивнул.

— Мы разнообразны, — в голосе снова появился второй голос. — Коллекционируем, выращиваем и едим маленьких людей. Приносим в жертву, если плохо себя ведут.

Я сидел неподвижно.

Но что-то во мне изменилось. Проступило сквозь меня. Синг оскалился.

Зарычал, прижав уши.

Глаза Синга также изменились, стали желто-серыми, глазами убийцы. С узкими вытянутыми щелями зрачков.

— Достаточно, — произнес я. — Остановите, мы выходим.

Дождь начался с одиночных капель и через мгновение барабанил по крыше.

Мэр пожал плечами:

— Марк, останови.

Лимузин замедлил ход и встал посередине шоссе на подъеме. Я распахнул дверь. Навстречу по асфальту текли потоки воды.

Абуминог посмотрел удивленно.

— И куда мы пойдем?

Я молчал.

— Что случилось? — крикнул Илья. — Если не скажешь, я вернусь домой.

Он открыл дверь со своей стороны:

— Прямо сейчас.

Илья опустил босую ногу за порог и обернулся.

Мэр молчал, скрестив на груди руки, а чудовище подняло уродливую голову.

Ждали развязки.

Дождь хлестал непрерывно. В барабанной дробі слышался стук льда.

— Меня похитили, — сказал я. — Держали в зеркальной комнате.

Очки мэра блеснули:

— Как долго?

— Секунда или год. Я не знаю. Там не было времени.

Мэр вдруг нагнулся ко мне:

— Где? — первый голос выражал интерес, а второй — тревогу.

— Астаракс.

Мэр рассмеялся.

Я почувствовал дыхание: корица и кардамон. Оно было пряным, сладким и дымным.

Станным.

Абуминог, вздохнув, вернул ногу в салон.

Закрыв дверь.

— И что в этом смешного?

3.

Дождь прекратился.

Мэр вернулся к бумагам, Илья смотрел в окно. Мы ехали в молчании.

Синг не отводил от меня взгляд.

Солнечные лучи падали сбоку, и удалось подробно рассмотреть чудовище.

Размером с дога, черная короткая шерсть. Вытянутая морда бультерьера и рептилии.

Зубы в несколько рядов, змеиная кожа. В глубине глаз проявлялась золотистая радужка.

Зрачки же Синга терялись во тьме.

Лимузин тряхнуло.

Машина выехала с серпантина на плато и замедлила ход. Мэр нажал кнопку. Люк в потолке откатился.

Ворвался ветер, заставил нас вскочить.

Абуминог босыми ногами встал на кожаное сиденье, высунулся в люк по пояс. Я сбросил кеды, встал рядом.

С плато открывался вид на залив и городские кварталы: улицы, утопающие в зелени, разноцветные здания. Буксиры и рыбацкие шхуны в порту. Круизный лайнер выходил из залива в океан, на палубе играла музыка.

Лестница в небеса стала ближе. Я различал последнюю площадку в высоте. За лестницей — мост через каньон, кроны деревьев в парке, колесо обозрения, шпили собора.

Солнце скрылось за облаком.

Лимузин приближался к стене дождя. Ветер поменял направление, становилось холодно. От жары не осталось и следа.

Мы спрыгнули вниз, люк закрылся.

Через мгновение дождь забарабанил по крыше, превращаясь в град.

Глядя в окно, я навалился на Илью: все было усыпано белыми шариками. Ударяясь о стекла, корпус машины, шоссе, шарики, подпрыгивая, отлетали прочь.

Мэр изучал в листах бегущие строки и цифры. Иногда останавливал их и касался камня.

Синг дремал.

Мы въехали в жилые кварталы. Асфальт закончился, покрышки застучали по брусчатке. Машина плыла по белой от снега мостовой.

Абуминог ткнул локтем, показал громадное граффити на фасаде дома.

Расправляя крылья, мальчик в рубашке и джинсах бежал на зрителя, выбросив перед собой короткий меч.

Лимузин сделал круг по площади, проехал мимо собора в готическом стиле и на светофоре свернул в старую часть города.

Здесь здания стояли впритык, различаясь числом этажей, цветом и отделкой фасадов. Иногда расступались узкими переулками. Поднимаясь, переулки терялись в арках дворов.

Было настолько красиво и уютно, что хотелось остаться навсегда.

Лимузин остановился. Я не заметил, как мы добрались до гостиницы.

Искренне сказал:

— У вас красивый город. Мне нравится.

— Правда? — спросил мэр. — Рад это слышать.

Глянул поверх стекол:

— Город дважды разрушали. Те, кто казался кем-то другим.

Отложил очки.

— Надеюсь, с вами не будет сюрпризов?

Я пожал плечами:

— Зависит не от меня.

Наклонившись, мэр похлопал абуминога по колену:

— Молодой человек — мастер вербальных провокаций. Нам будет интересно узнать, каков он на вкус.

Охранник с зонтом распахнул дверь со стороны Ильи, впуская с порывом ледяного ветра запахи зимы и снега.

Абуминог погрузился.

Площадь у Центрального Вестибюля оказалась укрыта белыми шариками.

Я пододвинул абуминогу кеды:

— Залезай.

Охранник с зонтом терпеливо ждал у открытой двери, когда мы выйдем.

— Ладно, — легко согласился Илья, — потом верну.

Я подтолкнул друга в спину:

— Двигай. Абуминого не возвращают обувь.

И мы ступили на внезапный снег, белый и податливый. Двинулись к входным колоннам, оставляя за собой цепочку следов.

Илья обернулся:

— Я верну их, обещаю.

Мы приблизились к вращающимся дверям вестибюля.

Из дверей, смеясь и толкаясь, выбежали подростки в черных сценических костюмах с сумками и гитарными кейсами. Трое парней и девушка. Она весело глянула на Илью черными глазами.

Абуминог остолбенел.

— Марк, — крикнула девушка, — заberi у Бонзика инструменты, а у Грегa — костюмы. Она кивнула назад.

Высокий и гибкий парень, присев, слепил два снежка.

— Фрея, лови!

Он швырнул снежки в приятелей.

Тот, кого называли Бонзиком, прикрылся гитарным кейсом, а Фрея увернулась:

— Грег, ты мазила! — И она рассмеялась чарующим смехом.

Вместо Фреи снежок попал в абуминога, но тот даже не шевельнулся.

Молча смотрел на девушку.

Присев, Фрея слепила комки и один за другим выпустила в Грегa, Бонзо и Алекса.

Музыканты ответили залпом. Снежок впечатался в черную спину Марка. На помощь брату выбрался из-за руля Виктор.

Через секунду мы оказались в центре сражения среди летающих снарядов.

Из лимузина донесся баритон мэра:

— «Восьмерки», опаздываем.

Музыканты, подхватив сумки и кейсы, погрузились в машину.

Мы остались у мраморных колонн, глядя на крутящиеся двери. Слева и справа от входа замерли караульные в мундирах с палашами наголо, лежащими на плечах.

Снег таял у нас под ногами.

Я стоял, закрыв глаза, стараясь посмотреть записи будущего. Что нас ждет впереди?

Там.

Но будущего не было.

— Что застыл, пернатик? Примерз? — над ухом раздался насмешливый голос Ильи. — Собираешься отложить яйцо?

Я открыл глаза:

— Я знаю, кого убью первым.

Прыгнул за абуминогом, поскользнулся и на пятой точке проехал по мрамору мимо каральных.

Вскочил как ошпаренный.

Смеющийся абуминогом ждал меня в вестибюле.

Двери, вращаясь, проглотили, а затем выпустили, и я оказался внутри.

И замер.

Прямо перед носом мерцал экран магической защиты корпорации ZEN — серебристая, почти незаметная пленка.

Я оглянулся.

Поле выходило из столбов, перекрывая проходы. Магические экраны ZEN встречались в космопортах и дворцах, не позволяя проносить артефакты и оружие.

— Класс «С», холодное оружие, — вдруг сказал экран женским голосом. — Дипломатический иммунитет.

Экран зажегся зеленым, выпуская пожилую даму с мопсом на руках. Дама осуждающе посмотрела на мои босые ноги.

— Он во всем виноват. — Я указал пальцем на абуминного.

Экраны имели несколько режимов.

Красный останавливал. Белый пропускал в одном направлении по списку. Фиолетовый усыплял. Черный рассекал.

Я шагнул сквозь мерцающее серебро.

Метка полыхнула, экран зажегся синим и горел непрерывно. Слышались шипение и треск электрического разряда.

Голос спокойно произнес:

— Класс «А». Главный герой. Тревога.

Экран закоротило.

Заморгал свет, из столбов выбились языки пламени, полетели искры. Откуда-то сверху раздался женский крик.

И все погасло.

Центральный Вестибюль погрузился в полумрак. С невозмутимым видом я убрался с места преступления.

Ко входу бежали сотрудники.

Через мгновение свет зажегся, а экран заработал как ни в чем не бывало.

— Бей, круши, ломай! — воскликнул Илья. — Сегодня ты в ударе.

Продолжая улыбаться, он поднял глаза к потолку и ахнул. Я посмотрел следом и застыл, раскрыв рот.

С улицы здание выглядело хоть и внушительно, но обыденно. Конца XIV века, несколько этажей. Воображение рисовало коридоры с просторными номерами и горничных в белых фартуках.

Но внутри вместо перекрытий — этаж за этажом — к потолку поднимались балконы.

И потолка тоже не было.

Звездное небо светилось мириадами звезд, было черным и глубоким. Кто-то склеил пространства и открыл окно во Вселенную.

В воздухе плыл многоголосый гул.

По балконам на разных уровнях бродили, глазели по сторонам, скушали гости.

Иногда участок неба на потолке выделялся в кольцо и переносился на большой экран на уровне третьего этажа. Появлялось увеличенное изображение и параметры звездной системы или планеты.

Экраны ниже отображали время прибытия и отбытия на общем языке, языке живых и языке мертвых.

На экране появилось изображение Земли и маршрута через туманность Ориона.

Мы окаменели.

— Фигасе, бро... Гостиницо.

— В рот мне галстук, — согласился я.

От изумления мы перешли на школьный язык земного детства.

С потолка поплыл женский голос:

— Вниманию встречающих. Прибытие рейса «Земля — Орион — Город Снов» ожидается по расписанию. Время прибытия: двадцать один пятнадцать. Зал «Консорт-1».

Я подпер челюсть друга ладонью.

— Рот закрой, — сказал я. — Залетит галактический таракан.

— Щупальцо убери.

Абуминог был потрясен увиденным.

— Начинается! — Я повернул голову друга к столпотворению встречающих.

Голос с потолка сообщил:

— Прибытие в зале «Консорт-1» через... пять, четыре, три, два, один...

Экран одного из пустых залов стал белым. Прозвучал мелодичный сигнал, и женский голос произнес:

— Исполнено.

Зал оказался заполнен людьми.

Казалось, люди спустились на лифте, а не перенеслись через тысячи световых лет.

Пассажиры выходили с чемоданами, обнимали встречающих и проходили мимо нас к стойке регистрации.

Это была гостиница и транспортный узел одновременно.

И она принадлежала Принцу.

— Я абуминог! — вдруг крикнул я. — Мы забыли о Принце!

Глаза Ильи округлились.

— Точно... Мы — абуминоги.

Принц ждал в вестибюле. Улыбался, видимо, слышал вопль.

Белый костюм, черная рубашка. Толпа огибала Принца на расстоянии, словно его окружало силовое поле.

Выглядел усталым.

Тепло посмотрел мне в глаза. Протянул руку как старому знакомому:

— Привет.

Положил ладонь на мое плечо и сказал то, что я чувствовал сердцем.

То, что сказал бы я сам.

— Мы видимся впервые, но кажется, что знакомы очень давно.

Повернулся к Илье:

— Привет, бро... Ударим крыльями?

И они с абуминогом исполнили короткий и быстрый танец рук.

Ударили ладонями вверх, вниз, в движении от себя. Сцепили пальцы в замок, в другой. Завершили рукопожатием.

Принц смотрел на Илью, словно потерял абуминога и встретил снова.

— Как добрались?

Абуминог качнул головой:

— Инфернально.

Принц рассмеялся. Увлёк за собой к стойке регистрации.

— Колодец — жуть, правда?

— Луна сгорела, — сказал я. — Коротнуло проводку.

— Вечером заменим... В колодце, кстати, можно купаться. Раньше любил приходить один. Вода затягивает раны.

Он остановился.

— Что не так? — Принц уловил настроение. — Мэр? Плохо поговорили?

Сел на диван в зоне ожидания, я плюхнулся рядом. Абуминог забрался на пуф коленями, положил голову на руки, дернул щекой:

— Мы — завтрак.

— Мистифицировал? Его стиль, — озадаченно проговорил Принц. — Синг был на встрече?

— Да.

— Это хорошо.

Появилась девушка в униформе гостиницы, с обожанием посмотрела на Принца. Раздала карточки с анкетами.

Я притянул бланк:

— Он не ответил, что такое Ритуал.

Анкета запрашивала имя, возраст, пол, планету последнего проживания, сексуальные и пищевые предпочтения.

— Нет однозначного ответа, — сказал Принц. — Ритуал — это способ.

— Способ чего? — спросил Илья.

Он, морщась, читал мелкий шрифт отказа от ответственности.

— Способ вернуться. Или вернуть.

— Куда вернуться? — абуминог поднял взгляд на Принца.

— Куда бы ты хотел?

Я оттолкнул к Принцу заполненную анкету. Всмотрелся в его лицо.

Около сорока. Много пережил.

Старый шрам на щеке, тень усталости, проступающая седина. Второй шрам над бровью, белый и тонкий.

Принц объяснял сложные вещи простыми словами. Умел слушать. С юмором реагировать, мягко отвечать, смеяться взглядом. Но за мягкостью угадывалась сталь.

Абуминог покончил с анкетой.

Принц забрал бланки. Помахал дворецкому в темно-синем костюме:

— Аарон, прошу любить и жаловать наших друзей.

Принц поднялся из-за стола и тепло попрощался:

— Не терпится узнать вас поближе.

Пересек двойной экран, поднялся по мраморным ступеням в холл с лифтами.

Обернулся:

— Аарон, отключите внутренние экраны. Второй раз станция не выдержит.

Говоря это, Принц смотрел на меня, и глаза его смеялись.

Женский голос спускался со звезд волнующим контральто, плыл над головами, балконами, светящимися табло.

— Прибытие рейса «Аяксис — Орион — Город Снов» задерживается. Встречающих просим освободить зону ожидания... Рейс «Город Снов — Андромеда — МЗ1» отправляется по расписанию. Зал «Консорт-3». Станция пересадки — «Андромеда».

Закрыв глаза, я попытался заглянуть в завтрашний день.

Нет доступа.

Сегодня виделось на секунды: мы пройдем экран и повернем налево.

Аарон провел нас к мраморным колоннам. Приложил карточку — мерцание исчезло.

— Канал открыт, — сказал спокойный женский голос из пустоты.

Вздвигнув, мы пересекли экран.

— Вам забронирован номер. — В интонациях дворцового звучало сомнение.

Безупречно одетый, гладко выбритый и идеально причесанный Аарон окинул взглядом наш растрепанный вид, рубашки навывпуск, джинсы, кеды и мои босые ноги.

Лицо Аарона выражало страдание.

Он вздохнул:

— Следуйте за мной.

Но Аарон знал далеко не все.

Я потрогал сзади джинсы: проехался по слякоти мимо караульных. Штаны были мокрыми, на белом диване осталось грязное пятно.

Мы свернули налево.

Прошли за Аароном по коридору в зал с зеркалами.

— Зал Правды, — произнес Аарон. — Зеркала никогда не врут.

Отражения Ильи и Аарона двигались в зеркалах, провожая к выходу. Мое отражение двигалось навстречу. Я застыл на секунду.

Показалось.

Вышли из Зала Правды в длинный коридор на шесть часов.

Дворецкий шел впереди, абуминог — за Аароном, а я — за Ильей. Глядя по сторонам и дурачась, мы чертили гигантские шаги.

Не оборачиваясь на странные звуки, скрип, тычки и хихиканье, Аарон осведомился:

— Когда придут родители?

Так как ответа не последовало, он остановился.

Илья пожал плечами:

— Никогда.

— Что это значит?

— Они не придут, — сказал я. — Их нет.

В молчании мы прошли до поворота.

Илья заскрипел подошвами по полированному камню. Аарон снова глянул на кеды, на мои босые ноги.

Поднял глаза:

— Сопровождающие?

— Никого.

Я посмотрел на Аарона.

Черты лица волевые, выправка, в словах и движениях — точность военного.

Мы вошли в восьмигранный зал, из которого вели коридоры. В мраморном полу — звезда, похожая на розу ветров.

В центре возвышалась скульптура короля с посохом и короной в виде паука. Он смотрел множеством глаз на расписанные батальными сценами стены.

Мы застыли у монумента.

— Зал Пауков, — пояснил Аарон. — Король Пауков Рэм Гохард I.

Дворецкий повернулся, показывая рукой на панораму:

— Сага в четырех полотнах.

— Ангелы? — Абуминог остановился у первой картины.

Аарон кивнул:

— Никто их не видел, старая легенда. Картина называется «Начало».

Страшный ангел распахнул крылья. Глаза горели синим пламенем. Внизу — город в огне.

Я встал у второй картины.

Битва в ночи. Пауки стреляют с земли красными лучами, выпуская из глаз в темное небо с крылатыми силуэтами. Узкая полоса рассвета у далекого горизонта.

— «Прошлое», — сказал за спиной Аарон.

— Пауки и ангелы враждовали, но ангелы канули в пучине веков, а пауки остались царствовать. Затем они ушли, и настало время человека.

— Жуть... — абуминог увлек меня к третьей картине. — Заглянем в «Настоящее».

Полумрак. Обтянутая серебром фигура в скафандре стратосферного гонщика с закрытым шлемом. Слева на груди метка. Позади старомодный мотоцикл или самолет с короткими крыльями.

— Кто он? — спросил Илья. — У него нет крыльев.

— Неизвестно. Этот момент пока не наступил. Пауки верят, что он выведет из Ритуала.

Они называют его Спасителем.

Илья обернулся:

— А как называете вы?

— Пилот.

Аарон встал у последней картины:

— «Будущее».

Паук поет над умирающим ангелом, что лежит на отрубленных крыльях. В рубашке и джинсах. Лет шестнадцать. Грудь рассечена по диагонали.

— Пернатик, ты понял? — подколот Илья. — Держись от крыльев подальше.

Я толкнул Илью в спину, и мы покинули Зал Пауков.

Округлив глаза, абуминог вскинул руки над головой, изобразил корону: паука, шевелящего лапами.

Получились оленьи рога.

Я рассмеялся.

— Может, у вас есть родственники? — Аарон остановился. — Или кто-то в городе?

— Мы одни, — ответил я сквозь смех.

Абуминог за спиной дворецкого продолжал смешить меня.

В суровом лице Аарона что-то изменилось.

— Стоп, — решительно произнес он и развернулся. — Мы возвращаемся.

— Что такое?

Мы с Ильей, удивленно смотря друг на друга, шли за дворецким в обратном направлении.

— Все не так. Вам этот номер не подходит, его забронировал мэр.

— Верно, — подтвердил я. — Он встречал нас.

— Забронировал на свое имя...

Аарон поднял бровь, недоумевая от нашей беспечности:

— Ваших имен нет. Вы не существуете.

— Поищите в вечернем меню, — мрачно сострил абуминог.

Мы вернулись в Зал Правды.

Как и в Зале Пауков, выходы вели в разные стороны. Аарон выдал абуминогу карточку — прямоугольник прозрачного металла.

— Кроме нас, никто не знает, где вы.
Мы переглянулись.

— Бегите к лифту. — Аарон показал направление ладонью. — В лифте наберете «три-ноль-один». Первая дверь налево.

— А вы?

— Оформлю вас и сразу вернусь. Карточка сработает... — он посмотрел на часы. — Через минуту.

Толкаясь, мы рванули наперегонки по свежевывытому мрамору. Я бежал за абуминогом и не заметил, как кто-то вышел из-за угла навстречу. Ударился плечом и свернул в дверь.

Какой-то парень в черной куртке с капюшоном, надвинутым на глаза.

— Эй! — крикнул я.

Свернул следом и оказался во мраке.

Я не мог пошевелиться.

Из приоткрытой двери в комнату падала желтая полоса света. В гранях появился силуэт, и пространство наполнил голос:

— Ты мой. Мой. Ты будешь служить мне, как служил отцу.

Я сбросил оцепенение:

— Нет.

Оглянулся на приоткрытую дверь: я уже был сегодня в этой комнате.

Детский голос звучал вкрадчиво:

— Это было легко. Один раз я поймал тебя, поймаю и снова.

— Астаракс погиб сто веков назад.

— Очень смешно.

Голос ответил с задержкой, искаженный шорохами звезд, словно летел в пустоте тысячи световых лет.

Я взялся за ручку двери.

— Это последнее предложение, — детский голос заторопился. — Я помогу пройти Ритуал, а ты...

— Нет.

Выскочив за дверь, я понесся во весь опор за абуминогом.

Меня занесло, и я чуть не снес икебану из сухих растений в высокой фарфоровой вазе.

Ваза накренилась.

Абуминок, смеясь, ждал меня в лифте, и когда я с круглыми глазами ошалевшего кота влетел в кабину, отпустил кнопку.

Двери закрылись.

Илья набрал на панели код «301» вспыхивающими красными кольцами.

Секундная пауза.

Свет моргнул, и лифт открылся. Не было никакого движения, мы просто очутились в нужном месте.

На этом этаже все было иначе.

Интерьер начала XX века. Высокие потолки с лепниной. Паркет сочетался с камнем, разделенным металлическими вставками.

Сверху водопадом спускалась люстра, вдоль настенных деревянных панелей в нишах стояли вазоны и статуэтки.

Уютно и свежо, много белого.

Мы пересекли холл и оказались у массивной двери с номером «301».

Илья приложил к дереву карточку. Ничего не произошло.

— Слишком рано, — сказал я.

И увидел в конце коридора человека в черном костюме. Он заметил нас и двинулся навстречу. Я посмотрел в другую сторону — и там тоже шел человек в черном.

Абуминог оглянулся:

— Охранники мэра пришли за ужином.

Я узнал близнецов.

— Пробуй снова.

Илья приложил карточку, и снова ничего не произошло.

Охранники приближались. Один из них закричал, вскинув ладонь:

— Не двигаться! Что вы делаете на третьем этаже?

— Стоять! — крикнул второй.

И они побежали.

Я выхватил карточку из руки абуминога и приложил к дереву.

Метка полыхнула, карточка зажглась синим, внутри щелкнул замок. Мы толкнули дверь и ввалились в номер.

Дверь со щелчком закрылась. Карточка вспыхнула красным.

Тяжело дыша, мы уставились друг на друга, ощущая, как колотятся сердца.

Илья прошептал:

— Маленькие детки смылись из клетки. Перепугали, черти, себя до смерти.

— Ха-ха-ха... — сказал я.

В дверь постучали, и мы чуть не подпрыгнули от неожиданности. После короткой паузы карточка зажглась зеленым.

Дверь медленно открылась. На пороге стоял дворецкий.

— Разрешите войти? — обратился он через порог.

И пояснил:

— Таков протокол.

— Входите, — разрешил я.

Аарон переступил невидимую границу и закрыл за собой дверь.

— Номер ваш до конца сезона, имена внесены в систему. Вы под защитой Ритуала. Теперь вас никто не посмеет тронуть.

Дворецкий помолчал:

— Я отдал некоторые распоряжения... Скоро привезут вещи, обед, свежую прессу и все необходимое. Могу от вашего имени открыть доступ в номер консьержу?

— Да, — сказал Илья. — Конечно.

— Меня можно найти внизу, — проговорил Аарон. — Код лифта в Центральный Вестибюль — «один-ноль-один».

— Принц? — спросил я.

— Уже в курсе.

Дворецкий направился к выходу. Перед дверью остановился.

Стоя к нам спиной, произнес:

— Очень жаль, что ваши родные... не с вами. Их... всегда не хватает.

И вышел.

Мы остались вдвоем, прислушиваясь к звукам, доносящимся из коридора.

— Рассказывай. — Абуминог смотрел без улыбки. — Где тебя носило?

И я рассказал все.

О властном голосе в черной комнате. О поединке взглядами в лимузине и отражениях в Зале Правды, и как снова попал в ловушку.

По мере рассказа лицо друга прояснялось.

— Астаракс — это замок?

Я рассмеялся:

— Вроде того... Императорский крейсер, взорвался много веков назад.

Абуминог моргнул:

— И как ты оказался на... несуществующем корабле?

Мы шли по номеру, открывая двери и осматривая комнаты.

— Я не разбирался пока, — сказал я.

— Нет, серьезно.

— Возможно, он и погиб, но это произойдет в далеком будущем, через миллионы лет.

Я распахнул окно в зале.

Обернулся:

— В силовой установке Астаракса — черная дыра. Императору неважно, из каких «где» и «когда» управлять Вселенной.

Абуминог заглянул на кухню и обнаружил холодильник:

— Значит, ты мог быть там.

— Я был там.

Он выпрямился, и наши взгляды встретились.

— Послушай, — сказал я, — если я перестану об этом говорить, значит, не спрашивай.

Илья молчал.

— Или они убьют всех, кого ты любишь в прошлом, настоящем и будущем.

— И тебя?

Я вздохнул.

Абуминог оставался абумином.

Я подмигнул другу:

— А ты кого встретил? Подставился под снежок. Засмотрелся на девчонку.

Илья стремительно покраснел:

— Я так... Просто.

5.

Мы полюбили номер 301 с первого взгляда. Просторный и светлый.

Он напоминал о Земле.

Зал с камином, диваном и креслами служил гостиной и библиотекой. Двери вели в наши комнаты и столовую, а из коридора с гардеробной — в прихожую.

Окна выходили на юго-восток.

Монстр гостиницы Принца спрутом охватывал побережье.

Здания различных стилей и эпох вырастали друг из друга в улицы и кварталы, проникая щупальцами в городскую застройку.

Это был город внутри города.

Мы видели в окне магазинчики и летние веранды кофеен, зелень тополей, океан, соединяющийся с горизонтом.

Вестибюли принимали гостей в разных частях гостиницы-монстра.

Наш вестибюль считался самым старым, его называли «Центральный».

Из крупных на космос работали «Восточный», «Единственный», «Морской» и «Западный». Последний, как и все западное крыло, был открыт лишь частично.

Малые вестибюли я не запоминал, но станция «528 ступеней» у Лестницы Богов казалась знакомой.

Я отложил буклет.

Мгновенные лифты на этажах, в уличных арках и подъездах, в музеях, парках и на смотровых площадках связывали все воедино. Встречаясь в неожиданных местах, где открывались романтические виды. Местные называли их горизонтальными.

Мы высунулись из окна, глаза по сторонам.

Снег растаял, небо просветлело, но к трем часам снова обещали дождь.
Из-за туч показалась бледная луна.

— Жаль, нет бинокля. — Илья посмотрел на меня. — Узнать, она такая же или нет.

Я усмехнулся:

— И получить ремня?

— Ты помнишь! — обрадовался он.

— Как неделю ели стоя и спали на животах? Естественно.

Абуминог рассмеялся:

— Мы орали, как драные коты. Папа был в ярости.

— О да.

Тактический бинокль отца Ильи, опытный образец, обладающий сознанием и свободой воли, показал нам кратеры и моря, прочел лекцию об обратной стороне луны.

Мы стащили бинокль, а затем кокнули.

Я улыбался.

— Море Спокойствия и Океан Бурь. Горы Рук и Кордильеры.

— Море Москвы, Герцшпрунг, Озеро Удовольствия, — подхватил Илья. — Часто вспоминал этот день.

Раздался стук в дверь и девичий голос:

— Обслуживание номеров.

— Открыто! — крикнул я.

Появилась горничная, совсем молоденькая девушка, наша ровесница.

— Энн... с двумя «эн»... — представилась она. — Угадываю и исполняю желания.

Закатила из коридора тележки: с едой, одеждой на плечиках и коробками. Распределила по номеру.

Подносы с едой — в столовую, вешалки с коробками — в гардероб, а халаты с полотенцами — в ванную.

Посмотрела, краснея:

— Ваши автографы.

Мы застыли с открытыми ртами.

— Что?

— Ваши подписи, что номер принят. — Энн смутилась сильнее.

Мы поставили закорючки.

— Белье меняла сегодня. В гардеробе — одежда и обувь. Экран определил параметры, я подобрала комплект в земном стиле.

Девушка бросила на Илью быстрый взгляд.

— Не нашли абуминогов с Альтернии, второй комплект тоже земной.

— Это несуществующая планета, — сообщил я. — Но с нее приходят вполне реальные и бесстыдные чудовища.

— Правда?

— Мне ли не знать. Абуминог? — произнес я, наступая на Илью. — Что ты написал в анкете?

Он, смеясь, отступал.

— Мы догадались. Но не сразу, — вздохнув, пояснила она.

И вдруг сказала:

— Извините. Все-таки ваши автографы, пожалуйста.

Мы повернулись.

Энн держала в руках газету, свежий выпуск «Вестника Снов».

На первой полосе — громадная черно-белая фотография у лимузина, где я шагнул к парню в пестрой рубашке.

— Ачешуешь... — тихо сказал Илья.

Я смотрел и не узнавал себя.

Лицо с открытым ртом было злобным и диким, почти сумасшедшим. Искажено оптикой и ракурсом съемки. На заднем плане — толпа, мэр с охраной и Сингом.

Кричащий заголовок крупным шрифтом:

«Я убью вас первым».

Снимали вблизи, навскидку. У парня в пестрой рубашке был сообщник.

— Шикарное фото, — сказала Энн. — Эмоциональное, динамичное. Вы мой герой.

Я расписался белым по черному и отдал ручку абуминогу.

Энн молитвенно сложила руки, прижала к груди газету. Выпорхнула в коридор.

И мы остались одни.

— Мэр не человек, — сказал Илья.

— Паук.

— Даже так?

— В человеческой форме. Специи в дыхании, черная кровь. Укус паука парализует.

Я задумался.

Не сказать, что «Вестник Снов» испортил настроение, но нарастающая неопределенность беспокоила.

Игра набирала обороты.

Невозможность видеть последствия своих и чужих поступков все усложняла.

Абуминог рассмеялся:

— Тебя мэр укусил?

Он вскрывал коробки, привезенные Энн, вываливал содержимое на стол и раскладывал по ящикам комода.

Свежие газеты, буклет с красочными видами, путеводитель по городу, карта, наличные — несколько золотых монет, пропуска из прозрачного металла, фонарик, блокноты, ручки.

В другой коробке оказались одеколон, бритвенный набор, лосьон, маникюрные ножницы, кремы для загара.

Мы посмеялись над бритвами, и я унес коробку к зубным щеткам. Включил свет в ванной.

И остолбенел.

Пацан.

Золотистые кожа и волосы, золотой блеск в глубине глаз. В истинном зрении он сиял золотым сиянием.

Лет девяти.

Сидел на краю раковины под зеркалом, болтая ногами. На грудь спускались на цепочке карманные часы-луковица.

Приложил палец к губам:

— Я инкогнито.

Нежданный гость спрыгнул на пол, и до меня дошло, что я не вижу никакой одежды, кроме часов на шее.

Это не смущало гостя:

— Знаешь, кто я?

— Все знают.

— Скажи.

Я погасил истинный взгляд.

Золотое сияние, которое невозможно ни с чем спутать, погасло.

Кожа сохранила золотой оттенок, а глаза — золотой отблеск, мерцали и порой вспыхивали. Волосы — золотой песок.

Совершенные пропорции тела, каких не встретишь у обычного человека. Без единого изъяна.

— Вы сын Императора Вселенной и наследник престола. Вас называют Маленький Император.

— И что же мне нужно?

Я не удержался:

— Одежду, ботинки и мотоцикл?

— Плоский земной юмор, — он поморщился. — Мне нужен Камень Смерти.

Приказал:

— Ты будешь служить, Скайлорд. Ты либо со мной, либо нет.

— Нет.

Маленький Император замолк.

Коснулся крышки часов на груди и стал невидимым для человеческого зрения: исчез в частотном сдвиге.

Дверь отворилась, на пороге появился удивленный абуминог.

— Ты с кем разговаривал?

— С кем?

Абуминог пристально глянул на Маленького Императора:

— По утрам, одев часы.

— Надев, — не выдержал тот.

Абуминог прошептал:

— Вот. Ты слышал?

— Что?

Он обошел гостя как новогоднюю елку.

— Оно разговаривает.

В золотых зрачках Маленького Императора мелькнул веселый ужас.

Я рассмеялся.

Интуиция и идеальный слух заменяли абуминогу зрение, но он не мог видеть в частотном сдвиге.

— Меня нет. — Маленький Император подал голос. — Я галлюцинация.

Абуминог посмотрел на меня.

— Это то, что я думаю?

Вдруг сложил пальцы в кулак и поднес к невидимому золотому носу:

— Отстань от пернатика, понял?

Глаза гостя округлились.

Взяв из стопки простыню, абуминог накрыл Маленького Императора, превращая в привидение.

Ухватил за нос:

— Ай! — сказала привидение.

Простыня упала, а Маленький Император, отшатнувшись, стал видимым.

— Я так и знал, — с удовлетворением произнес абуминог. — Наглая мелочь пузатая.

Маленький Император потерял дар речи, беззвучно открывая рот.

Сжал часы рукой:

— Немедленно уходи! Забудь все, что видел и слышал.

Илья пожал плечами:

— Подумаешь.

Дверь за абуминогом закрылась.

Маленький Император, щелкнув крышкой, посмотрел на циферблат:

— Здесь время идет быстрее.

Обернулся простыней, превращаясь в римского патриция.

Вскочил на умывальник.

— Мне нужен диск. — Он говорил спокойно. — Если диск не включится до полуночи, Ритуал завершится, а вы умрете.

И перед тем как войти в зеркало, Маленький Император обернулся:

— Ты со мной?

Я молчал.

Разумеется, я не верил ни в какой диск. Ритуал не зависел от мелочей, его нельзя выключить, как лампочку.

Маленький Император ступил в зеркало, осталась рука с открытой ладонью. Я коснулся золотых пальцев, и он провел меня за зеркальную грань.

Мы оказались во тьме.

Вокруг мерцали серебристыми блестками зеркала городской сферы — проходы из зазеркалья в реальность.

Часы тянули на буксире.

Маленький Император летел за часами, удерживая цепочку одной рукой, а второй — мою руку.

Вскоре часы остановились с обратной стороны высокого зеркала.

Я осмотрел комнату.

Открытые чемоданы, одежда на кровати, белье на комоде. Охранная шкатулка. Рыцарь в стальных доспехах стоял в углу, опираясь обеими руками на длинный меч.

— Это соседний номер, — сказал я. — Я мог пройти сквозь стену.

Маленький Император зашептал:

— Забери золотой диск. Он мой. Лежит под одеждой.

Он смутился:

— Не бойся, это моя комната.

— После вас.

— Мне нельзя. Поймают и накажут.

Я с удивлением заглянул в золотые зрачки Маленького Императора:

— Накажут? Это интересно.

Вместо ответа он вытолкнул меня из зеркала, и я брякнулся на пол, прикусив язык.

Сверху хихикнули:

— Иди к диску.

Проснулась охранная шкатулка. Красные лучи просканировали комнату, скользнули по стенам, потолку.

Погасли.

Донесся шепот:

— Диск... Принеси диск.

Я оглянулся.

Здесь не мог жить мальчишка. Пахло тяжелыми духами и парфюмом, комната принадлежала женщине. Подняв за бретельку бюстгальтер, я показал Маленькому Императору.

— Твой?

Он смеялся, зажимая рот ладонью.

Шкатулка открылась снова, сканируя воздух лазерами.

Я бросил белые холмы на груды белья и присел за спинкой кресла.

— Накройся чехлом, — прошептал он. — Шкатулка решит, что ты мебель.

Следующие метры я преодолел на четвереньках под мебельным чехлом, ошупываемый красными лучами.

Я им не нравился.

Добравшись до комода, понял, почему. Бюстгальтер зацепился за ногу и все это время полз за мной по ковру.

Шкатулка заснула, погасив лучи.

Маленький Император махал из зеркала:

— Шевелись...

Я поднялся с четверенек, нашарил диск под женским бельем. И... обнаружил красный луч, ползущий по руке. Включилась вторая шкатулка, которую я не заметил.

Луч искал диск, руку жгло.

Отвлекая шкатулки, я отбросил ногой прилипший бюстгальтер от себя.

Парашютом он взмыл под потолок.

Шкатулки поймали женский аксессуар в прицел и прожгли в белоснежных эверестах аккуратные черные дырочки.

Маленький Император закричал:

— Осторожно!

Открылась третья шкатулка.

Искала грабителя в частотном сдвиге. Истинным зрением я видел ее невидимые лучи, скользящие над паркетом.

Толкнувшись от пола, я медленно полетел над лучами обратно.

Шкатулки обнаружили движение, однако не сочли опасным: мебельный чехол вводил их в заблуждение.

Лучи высвечивали меня в частотном сдвиге, проявляя в реальности полупрозрачным призраком.

Я рассмеялся.

Мертвец в саване, парящий над простреленным красными лазерами бюстгальтером.

И заметил ее.

В шелковом халате, с намотанным на голову полотенцем. Вышла из душа на шум. Застыла с широко раскрытыми глазами.

Хозяйка номера.

— Сюрприз! — сказал я.

Неожиданно дама закатила глаза и с грохотом завалилась назад.

Лучи схватили меня в воздухе, а доспехи рыцаря с длинным мечом ожили. Рыцарь с лязгом направился ко мне, поднимая меч.

Я видел пустоту в его шлеме.

Оглянулся.

Маленький Император пропал.

Вывавшись из чехла, я упал на оскверненные эвересты и, пройдя сквозь пол, свалился в номер второго этажа.

Обрушился в ванную с девушкой.

6.

Девушка открыла глаза за миг до того, как я обрушился с потолка.

Падение не замедлилось.

Выбросив перед собой руки, с бюстгальтером на животе, я пролетел сквозь девушку и ее крик, пену и воду в ванной, перекрытия второго этажа и оказался в темном зале.

Зал Пауков.

Час назад мы были здесь с Аароном, но случай вновь привел меня.

Я должен был что-то увидеть.

Висел во тьме зала; в истинном зрении все было различимо как днем.

Я смотрел на картину.

За спиной гонщика в серебристом скафандре появились двое. В сумраке ангара. В таких же скафандрах, с закрытыми шлемами. Теперь я видел, что они немногим старше нас.

На груди того, кого называли Пилотом, светилась красная метка.

ENO

Меня осенило.

Картины в этом зале отражали исторические события, а зеркала в Зале Правды — того, кто смотрит.

Секунду спустя я стоял в Зале Правды, всматриваясь в отражения. Четыре зеркала в истинном зрении показывали время.

В первом я увидел себя.

Из зеркала справа смотрел гонщик в серебристом скафандре с закрытым шлемом.

Зеркало слева оказалось пустым.

Черным.

Что-то светилось. Я приблизился рассмотреть красный огонек. И не сразу понял, что в зеркале, наклонив голову и скрыв лицо капюшоном, стоит парень в черной куртке.

Внезапно он выбросил руку за плоскость зеркала и схватил меня за горло.

— Отдай диск мне.

Отшатнувшись, я выскользнул из холодных пальцев. Проверил диск. Он лежал в кармане джинсов.

— Никому ни слова, — парень поднял лицо. — Или я вернусь.

Я отступил к центру зала.

Обернулся к зеркалу за спиной и увидел в отражении пацана с револьвером.

Громадным.

Лицо покрыто серой пылью. Было видно, что он на пределе. За спиной — рюкзак. Рубашка на животе прилипла к ране.

Неожиданно я узнал себя.

В той же одежде, что и сейчас, но сильно потрепанной.

Четыре отражения, четыре версии смотрели на меня с четырех сторон.

Обычно метка высвечивала символы.

Каждый видел свое. Странные знаки, изломы линий, напоминающие код Хаоса. Но у всех отражений в метке светилось одно:

ENO

Я вернулся в номер 301.

Невидимый, прошел сквозь стены и появился за абуминогом.

Мой друг сидел, развернув стул и положив руки на спинку, у открытой ванной.

Ждал.

— Где шлся? — спросил абуминог, не оборачиваясь.

— Помнишь знак, что мы не спрашиваем то, о чем не должны спрашивать?

Абуминог обернулся, в глазах — удивление.

Поднял мизинец:

— Мы не можем сказать то, что не можем сказать.

Я прошел в ванную.

Метка в отражении показывала неизвестные символы и хаос.

Вытащил из кармана джинсов бюстгальтер и тяжелый золотой диск на цепи. Бросил в выдвижной ящик под умывальником.

Ладонью запер ящик и зеркало от непрошенных гостей и вышел из ванной.

Абуминог с изумлением наблюдал за моими манипуляциями.

Я поднял мизинец:

— Ты что-то помнишь?

— Что?

Мы коснулись мизинцами.

В гардеробе, где Энн развесила одежду, я выбрал новую. Земного кроя джинсы и рубашку.

Хотел отстроиться от пугающих версий будущего. Ангела с отрубленными крыльями и загнанного пацана с револьвером.

Скинул на пол штаны и рубаху и тут же переоделся.

— Красавчег, — хмыкнул Илья, покосившись на меня. — Я тоже обновлюсь.

Он присмотрел куртку-анорак.

Снял с вешалки серую футболку и защитного цвета брюки. Быстро разделся, отодвинул ногой старую одежду:

— Не пойму, что за запах. Вода в колодце вроде была чистая.

Переодевшись, он повеселел.

Натянул через голову анорак, похлопал себя по карману на животе:

— Раз ты не говоришь, о чем не говоришь, может, сожрем кого-нибудь?

Абуминог вдруг вспомнил, что он абуминог.

— Я не ел миллион лет! — воскликнул он, исчезая в столовой.

Я поднял одежду Ильи, поднес к лицу.

Ткань хранила запах магического пламени. Почти незаметный. Такой стоял в местах сражений с использованием оружия на магических принципах. Так пахли погибшие в огне.

История моего друга становилась все более загадочной.

Из столовой, где скрылся абуминог, не доносилось ни звука.

— Кто кого сожрал? — крикнул я.

Озадаченный абуминог застыл над кастрюлей с поднятой крышкой.

— Креветко, — вздохнул он. — Портовый город, чего я ждал?

Я заглянул через плечо.

«Креветко» оказалось ароматной пастой со сметанным соусом. Отодвинув друга, я вывалил макароны себе.

— Астанавись, пернатый! — опомнился абуминог.

И отложил половину.

Мы ели в тишине, не говоря о том, о чем нельзя говорить.

— А тут что? — абуминог поднял крышку следующей кастрюльки.

— Суп, очевидно.

В конце концов мы съели все задом наперед. Сначала пасту с креветками, затем креветочный суп и в завершение — ассорти из креветок.

Илья притянул свежие газеты с края стола.

Скосил глаза.

«Городская газета», как и остальные, поместила на обложку мое фото. Другое, но не менее сумасшедшее.

— Как она смотрела на тебя, бро... — мечтательно произнес Илья. — На все три «эн».

— Энн смотрела на тебя, во-первых.

— А во-вторых?

— Прогуляюсь. Осмотрю глобус. Найдешь чем заняться?

— Не вопрос, — кивнул абуминог, поглощая маффин. — Пройдусь по гостинице, покажусь на лифтах.

— С лифтами осторожнее, — заметил я. — Наугад номера не вводи. Особенно несуществующие номера.

Накинув ветровку, я влез в кроссовки, положил в карман пропуск.

Посмотрел на абуминога:

— Ударим крыльями?

И мы совершили тот же танец рук, что и Принц в вестибюле.

Я понял, что было странным.

Абсолютно никто, включая Принца, не мог знать «танец крыльями». Он был только наш. Мы с Ильей придумали его на Земле.

— Будь осторожен, — тихо сказал я. — Если что, сразу возвращайся.

Прощаясь, поднял ладонь:

— Никого не убивай.

— Не дай мэру себя укусить. — Абуминог в ответ поднял свою.

Смеясь, я вышел за дверь.

Куб выбрал человеческую форму не случайно. Я заполнил собой хрупкий сосуд. Даже бессмертные иногда смертны, и такова цена бессмертия.

Способности открывались постепенно. Магический полет, истинное зрение, частотный сдвиг.

Я сместился к магическому уровню реальности и невидимой тенью полетел по коридорам, проникая сквозь стены.

Я хотел вернуться в комнату, куда меня привел Маленький Император. Узнать, все ли в порядке с дамой.

Обыскав третий этаж, ничего не нашел.

Я помнил пространственные координаты, но вместо номера впечатлительной дамы находился номер без мебели.

Озадаченный, я направился к западному крылу гостиницы-монстра.

В одном из восьмигранных залов встретил Аарона. Он давал наставления горничным, заступающим на дежурство.

Я летел сквозь стены и перекрытия, дивясь причудливой архитектуре, множеству комнат, изяществу отделки. Вскоре понял, что забрался далеко на запад. Вокруг пыль и запустение, мебель в чехлах.

Никто не жил здесь.

Впереди скользнула тень, раздался вздох. Кто-то еще блуждал в гиблом месте.

Звук повторился.

Раздался сзади, совсем близко. Я обернулся. Мне снова почудилась быстрая тень.

Я обернулся снова.

Передо мной стоял Синг, оскалив пасть, полную острых зубов. Глаза горели синим пламенем истинного зрения.

Я не заметил прыжка.

Из груди вырвался крик: чудовище двигалось слишком быстро.

Присел.

Синг пролетел над головой и исчез. Бесследно и так же внезапно, как появился.

С разбега я бросился сквозь пыльные стекла в окно и взлетел к солнцу. Мой план не был завершен, но я мог закончить позже.

Посмотрел вниз.

С высоты спрут гостиницы сливался с городскими кварталами.

Оставаясь невидимым, я летел над крышами старого города, рукавами переулков, дворами в зелени тополей. Площади и скверы, порт, причалы с яхтами. Часовня с колодцем, набережная. Скалы и пляжи.

Я стоял на Лестнице Богов у самого неба, запрокинув лицо.

Дул холодный ветер.

Закрыв глаза, упал в пустоту, наслаждался свободным падением, ощущая, как перехватывает дыхание и замирает сердце.

Остановился.

На дне Каньона я шел по иссохшему руслу древней реки, слушая эхо шагов. Синг появился из темноты туннеля.

Я снова поднялся в воздух.

Запутывая Синга, отыскал в переулке горизонтальный лифт и набрал три нуля. Номер, который был на всех визитках и брошюрах.

Номер кабинета Принца.

Свет моргнул.

Как я и предполагал, дверь оказалась открыта, а кабинет пуст. Странное чувство охватило меня, будто я уже был здесь.

Я огляделся.

Мне нравился стиль Принца. Возможно, когда-нибудь он станет моим.

Светлая комната без зеркал. Белые стены, белый потолок, занавески. За окном море и скалы.

Высоко.

На стене картина. Предельно лаконичная — шесть черных точек. Два ряда по три, друг над другом.

Ниже два меча в ножнах.

В стеллаже икебана: сухие ветви и цветы. Между книг глубокая рамка, в которой притаился глаз. Настоящий глаз с карей радужкой.

Книги самые обычные. В основном словари. Общего языка, языка живых, языка мертвых, магического языка.

Большая галактическая энциклопедия, история магии, несколько стихотворных сборников. Белая книжка стихов «Москва 31».

Ниже паук в стеклянном кубе.

Дагерротип на столе.

Ученики младших классов в форме местной гимназии. Брат и сестра. Смеясь, складывали из пальцев треугольники, как земные дети складывают сердца.

«Грег и Фрея, с любовью.

Навсегда».

В дагерротипе хранилась запись.

Я коснулся ее взглядом, увидел тот момент. Картинка ожила, они пели:

Небо вверх, небо вниз

Мы не умрем, если пойдем

Звезды вверх, звезды вниз

Мы не умрем.

Сложили треугольники пальцев. Один вверх, другой вниз. Я услышал смех, слова любви, обращенные к Принцу.

Обойдя стол, обнаружил папки личных дел с нашими анкетами.

Прикасаться к чужим документам было запрещено Кодексом. Можно видеть только то, что открыто.

Анкета Ильи лежала сверху.

Улыбаясь, я читал ответы корявым почерком и замечания Принца.

Пол: «Ыыы». Зачеркнуто. Сверху твердым почерком Принца: «Оболтус».

Планета проживания: «Альтерния». Исправлено: «Земля-29».

Вид: «Абуминог». Зачеркнуто. «Человек». Зачеркнуто.

Сексуальные предпочтения: «Сольфеджио», пищевые: «Креветко». Комментарий железной рукой Принца: «Прописать абуминогу ремня и креветок».

Виднелся уголок моей анкеты.

Слово «Летчик» не было зачеркнуто, но сверху буквами общего языка добавлено:

ENO

Я ощутил спиной вкрадчивый липкий взгляд, обернулся с удивлением. Паук в стеклянном кубе следил за мной.

Приблизившись к кубу, я коснулся крохотного сознания. Увидев себя множеством глаз, вздрогнул, разорвал связь.

Кто бы мог подумать?

Паук охранял кабинет Принца, записывая происходящее.

Сняв крышку с куба, я разместил в россыпи черных глаз точку наблюдения. Осталось решить, как быть с памятью паука.

Промотал запись.

Ничего интересного, в основном кабинет пустовал. Осмотрелся истинным взглядом, устранив следы своего присутствия.

Стал невидимым.

И, проходя сквозь стену, стер пауку память.

7.

Я вышел из стены в светлом коридоре остроконечных арок и увидел Синга.

Свернул в зеркало.

Через минуту выглянул из зеркала в сумрачном Зале Правды. В этот раз зеркала ничего не отражали.

Полетел к следующему.

Зеркало оказалось в светлом коридоре арок, но с другой стороны. Я вышел под золотыми буквами «Коридор Сомнений», высеченными в мраморе.

Кто-то поймал меня за плечо.

— Хорошо, что зашел, — сказал Принц. — Поможешь перенести вещи.

Синга не было.

Мы вернулись в кабинет, где я был несколько мгновений назад.

Принц убрал со стола наши личные дела, запер в потайном ящике на ключ. Он был сосредоточен, хоть и рад меня видеть:

— Возьми мечи.

Округлив глаза, я посмотрел на паука. Приложил палец к губам:

— Тсс...

Снял с подставки клинки и догнал Принца у открытого лифта.

Принц набрал код.

Обычный код состоял из трех цифр, но Принц ввел длинную серию. Вставил в панель серебристый ключ.

Повернул.

— Как Синг? — светски поинтересовался он.

— Мило попрыгали.

Лифт открылся в странном месте. Выход оплетен толстыми лианами. Сквозь заросли вспышками пробивался свет.

Я перешел на шепот:

— Зачем мечи?

— Мы на глубине, — Принц говорил одними губами. — На сорок четвертом этаже сна.

Вынул меч из ножен.

— Она спит, но она голодна.

Ударами клинка Принц расчистил путь. Обрубки лиан упали, извиваясь. Хлынула черная кровь.

Мы вышли из лифта.

Неестественные оттенки освещения, искаженные цвета. Казалось, что тьма рассеяна в воздухе.

Свет моргал.

Холл, потолок, стены и старинное зеркало напротив оплетены лианами.

Лианы уходили по стенам и потолку в темный, заросший паутиной угол.

Я смотрел во мрак.

В углу теплилась жизнь, я различал истинным зрением скрытое паутиной тепло бьющихся сердец в коконах.

— Кто она?

— Джосс.

Принц взмахнул клинком, освобождая от лиан большие черные ящики у стены:

— Спящий паук в центре мира. Она спит и видит вещие сны.

Он откатил в лифт ящик.

Коротким мечом я срубал лианы. Черные боксы разных размеров с металлическими уголками и белым трафаретом «Восемь из Восьми» были сложены друг на друга.

Принц забирал боксы: маленькие уносил, большие откатывал, постепенно заполняя кабину лифта.

— Когда-то она была прекрасной дакиней, могла принимать любой облик.

Разрубив лианы, я спрыгнул вниз.

— Почему она спит?

— Чтобы остановить время и рассмотреть заклинание. Она хочет освободиться и через сны передает его части ученикам.

Я повесил меч на пояс джинсов. Короткий клинок, напоминающий нож.

— Ученики?

— Она написала Книгу Игр. Это книга ее снов.

Лифт был почти заполнен.

Принц остановился у стены, скрытой лианами разной толщины.

Спокойно сказал:

— Открой.

Из темного угла прошелестело:

— Ты привел мне еду?

С клинка Принца стекало черное пламя, таяло в мерцающем воздухе.

— Освободи дверь, — не повышая голоса, приказал Принц.

В ответ прошелестело:

— Нет-нет-нет.

Принц взмахнул клинком, разрубая лианы. Отсеченные куски, содрогаясь в конвульсиях, полетели на пол, в углу раздался визг.

Щупальца втянулись.

Из проема выпала бледная девушка, пойманная лианами у дверей. Тонкие лианы поспешно вышли из груди и горла.

Лифт раскрылся.

С криками из кабины вывалились задыхающиеся подростки в сценических костюмах.

Бонзо, Алекс и Мелисса.

— Вот вы где, — сказал Принц.

Мелисса опустилась на колени у подруги.

В углу зашипело, темнота ожила, и в мерцающем свете ламп, ковыляя, появилась женщина.

Она выглядела человеком.

Голубые глаза, выющиеся волосы. В лице начинались изменения. Я опустил взгляд. Наполовину Джосс была женщиной, наполовину — пауком.

Следом пуповиной волочился жгут из сплетенных лиан.

— Сука! — крикнул Бонзо. — Что ты сделала с Аней?!

Но Джосс смотрела на меня.

— Какой сладенький добрый мальчик, — ласково сказала она. — Как хорошо, что ты есть. Подойди ближе, я расскажу тебе сказку.

Алекс с Бонзо подняли Аню.

— Уходите, — сказал Принц. — Мы закончим и вернемся.

Наконец музыканты заметили мое существование, скользнув ревнивыми взглядами. Какой-то чужак посмел стоять рядом с их Принцем.

Бонзо занес девушку в лифт с черными ящиками, Алекс и Мелисса вошли следом.

Двери закрылись.

— Я голодна... Я хочу, хочу, хочу есть, — вдруг жалобно сказала Джосс. — А у тебя такой нежный мальчик. Отдай его мне.

В тихом голосе сквозили лесть и бесконечная покорность.

Я хихикнул.

Принц посмотрел строго:

— Будь осторожнее, она не дура.

Принц закатывал ящики во второй лифт.

За спиной Джосс, в темноте лиан, висели коконы, пронзенные со всех сторон щупальцами. Какие-то карлики в балахонах.

Пропел мелодичный сигнал. Вернулся первый лифт, уже пустой.

— Справишься? Я нужен Анне.

Я кивнул.

Блокируя лифт, Принц повернул ключ против часовой стрелки.

— Не потеряй ключ.

Я снова кивнул.

— Глаз с нее не спускай. Погрузи аппаратуру. Очисти зеркало и возвращайся.

Принц ступил в кабину, заставленную до потолка черными ящиками.

Не выпуская паучиху из вида, я с грохотом закатывал тяжелые ящики во второй лифт. Как у Принца получалось без единого звука?

Джосс отделилась в полумрак лиан, с безразличием наблюдая за мной. Холодные глазки вспыхивали в темноте.

Зеркало заросло лианами.

Коротким мечом я резал и отбрасывал сопротивляющиеся жгуты.

Она вдруг сказала:

— Хочешь узнать, чем все закончится? — Голос звучал слаще обычного.

— Нет.

Освободив зеркало, я замер.

Зеркало светилось. В глубине сполохами переливались зарницы.

— Вы все умрете, — прошелестела она. — Твой друг умрет вечером. А ты — чуть позже.

Лифт за спиной закрылся.

Пока я разглядывал зарницы, щупальце Джосс утащило ключ из замка. Положила в рот.

— Ням-ням-ням.

И она проглотила ключ.

— Попался, мой сладкий? Нас ждет вечер нежных объятий и стонов. — Голубые глазки закатились в предвкушении.

Лианы отделились от стен и потолка, медленно приближаясь, сжимались вокруг в капкан. Джосс взбодрилась, щеки порозовели:

— Пригласим на ужин твоего друга?

Я глянул на коконы с пронзенными карликами и бросился в зеркало.

В последний миг лианы упали на меня. Вцепились сотнями острых крючков, раздирая ткань вместе с кожей. Стащили с меня ветровку, штаны и кроссовки.

С воплем я вылетел в зазеркалье. Кожа горела, глубокие царапины наполнялись кровью. И рассмеялся.

Я не заметил, как выскочил из одежды и остался в чем мать родила.

Лианы проникли в зеркальный мир и, вытягиваясь, шарили во тьме.

Сдернув с плеча, я швырнул обрывок рубашки. Рыскающие щупальца вцепились в комок, разодрав в клочки за считанные секунды.

Смеясь, я летел с коротким клинком в руке через зеркальный мир, повторяя приключение Маленького Императора.

Великие духи Ритуала обладали чувством юмора и поменяли нас местами. Я провел ладонью по ссадинам, останавливая кровь.

Огляделся.

Щупальца остались далеко позади.

В темноте мерцали серебристые шары. Младшие — внутри старших. Зеркала собирались вокруг центров силы, образуя сферы.

Храмов, городов и планет.

Близкие зеркала в зазеркалье могли быть далеко друг от друга в реальности, и наоборот. Близкие в реальности — далеко в зазеркалье.

Однажды пройдя через зеркало, запоминаешь его навсегда.

Я различал зеркало номера 301, зеркала Зала Правды, зеркала Коридора Сомнений и остальные, где успел побывать.

К моему удивлению, зеркало дамы тоже мерцало во мгле.

Пропавший номер вновь появился.

Освещенная лампами, дама в шелковом халате сидела за туалетным столиком. Накладывала вечерний макияж.

Маленький Император стоял рядом, вытянув руки по швам. На этот раз он был одет в короткую тунику и шорты.

Это и правда был его номер.

На столике среди банок с кремами лежал ошейник с поводком. С краю — широкий стакан с жидкостью, похожей на кровь.

За дамой в шелковом халате, расписанном змеями, замерли доспехи рыцаря с длинным мечом.

В пустом шлеме поселилась тьма.

Я приблизился к зеркалу.

Глаза Маленького Императора с веселым изумлением расширились. Он видел меня в частотном сдвиге.

Ситуация зеркально повторялась, но вместо часов на шее из одежды у меня был меч.

Он хихикнул.

— Роберт... — сказала дама доспехам.

Рыцарь поднял руку, касаясь шеи мальчика, мелькнул разряд.

— Ай!

Дама равнодушно сказала:

— Стой прямо. Решается твоя судьба.

Я осмотрелся.

Простыня Маленького Императора зацепилась за раму и плавала в зазеркалье. Накрывшись, я стал привидением.

— Где диск? — поинтересовалась дама, отпивая из стакана глоток.

Маленький Император, бросив на меня взгляд, рассмеялся:

— Диск?

— Твой диск. — Дама теряла терпение.

— Это я спрашиваю, — парировал мальчик. — Где мой диск?

Рыцарь поднял руку и вновь коснулся Маленького Императора. Раздался треск электрического разряда.

Он покачнулся.

— Стой прямо, — скучая, сказала дама. — Ты наказан.

Судя по всему, разговор продолжался долго. Очень долго.

— Говори, где диск. Или отправлю к отцу.

— Нет, — быстро сказал он.

— Тогда отправишься в шкаф и подумаешь о своем поведении.

Мальчик посмотрел на ошейник:

— Нет.

— Где диск?

— Какой диск?

Вновь раздался сухой треск разряда.

Дама раскрыла ошейник и поманила Маленького Императора ладонью.

— Правом, данным мне Кодексом... — она говорила тихо. — Ты наказан на месяц. Я вызываю отца.

Дама закурила сигариллу, выпуская в зеркало клубы дыма:

— Роберт ответит тебя в шкаф.

Я не верил своим ушам.

Маленький Император посмотрел на меня. Покорно положил шею в раскрытый ошейник, закрыл от унижения глаза. Только сейчас я заметил шрам на шее.

Ошейник защелкнулся.

Жутким призраком я выплыл из зеркала в клубах сигарного дыма.

— Я привидение без мотора, — просипел я, клинком целясь даме в нос. — Ты плохо себя ведешь, я забираю тебя в ад.

И отсек у сигариллы кончик.

Мне показалось, что питоны на халате дамы шевельнулись.

Отрубленный кончик свалился в стакан, жидкость с хлопком вспыхнула, над столом взметнулось пламя.

Неподвижно сидящая дама вдруг поплыла и грохнулась со стула на бок.

В глазах Маленького Императора блеснул восторг, он рассмеялся, но замолк, прикусив губу. Ошейник наказывал за смех.

Доспехи ожили.

С железной руки слетел захват на тросе. Пересек плоскость зеркала и, клацнув, поймал меня за простыню.

Простыня уползла к рыцарю.

Оставив Маленького Императора звонко хохотать, я вернулся к зеркалу 301. Я хотел рассмешить его — и рассмешил.

Хотел защитить.

И не мог.

Спрыгнув на пол, я вышел из ванной.

Абуминог и Энн сидели на паркете, развернув карту города. Рука Энн лежала в его руке. Так абуминог проводил исследования.

Я голый прошел мимо.

— Не понял... — опешил Илья.

Энн рассмеялась.

В гардеробной я снял с плечиков рубашку и джинсы. Носки, майку и трусы.

Дубль два.

Абуминог и Энн стояли у открытой двери гардеробной.

Я прошел между ними. Распахнул окно в холле и шагнул с подоконника.

Больше никаких зеркал.

8.

Погода испортилась.

Северный ветер, моросил дождь. Я знал, что скоро дождь усилится, превратится в град.

В домах зажигались окна.

И вдруг услышал сдавленный звук, удивленный возглас.

Я развернулся в воздухе.

В окне соседнего номера стояла девочка с косичками. Лет десяти. Открыла рот, глаза светились от счастья.

Я улыбнулся и приложил палец к губам: молчи!

Но она закричала:

— Мама!

Исчезла в глубине комнаты.

Я изменил частоту и прозрачность тела, стал невидимым. Капли пролетали сквозь меня.

Через секунду в окне появились девочка с женщиной.

— Он только что был здесь. — Она указала в пустоту.

Прямо на меня.

— Улетел, — женщина вздохнула, ласково дернула ее за косичку. — Не вздумай расстраиваться. Это хороший знак.

Девочка помотала головой, глаза сияли.

— Можешь загадать желание, оно обязательно сбудется. Ты видела его полет.

— Правда?

— Так говорят.

Она посмотрела туда, где я, невидимый, ждал в частотном сдвиге:

— Я хочу рог морского льва.

Обнявшись, они удалились в комнату.

Я подлетел к окну. Целуя маленького брата, девочка сказала:

— Мы встретили Летчика. Ты скоро поправишься.

Рог морского льва не имел цены.

Охотники давно истребили львов, беззащитных и неуклюжих. Чайная ложка натертого с рога порошка излечивала неизлечимое.

Она посмотрела сквозь стекло:

— Пожалуйста.

Я быстро поднялся к перистым облакам и остановился.

Ритуал длился двадцать один день.

Иногда сезоны были короткими: десять или двенадцать дней. Пятый — два дня.

Некоторые вещи узнать не удалось.

Вестибюли принимали и отправляли пассажиров, нуль-платформы подключены к транспортной сети.

Но названия планеты и звездной системы оставались загадкой. Как и абсолютные координаты в пространстве и времени.

Записи сезонов закрыты.

Никаких имен. Синописи, картотека героев, кто участвовал, чем закончилось.

Доступ запрещен.

Однако в публичной лоции классификация звезды, звездной системы и планетарная история оказались доступны.

Ничем не примечательный желтый карлик. Планета с преобладанием воды, сходный наклон оси делал ее похожей на Землю.

Один материк, льды, горы и пустыни. Обитаема южная часть, близкая к экватору.

На западе космопорт, довольно большой — принимал императорские суда. От космопорта тянулась нить монорельса.

Несколько городов терялись в центре, на восточном побережье и севере материка. Архипелаг в южном океане.

Две местные луны на языке живых назывались Брат и Сестра. Одной луны нет.

Я поднялся за пределы атмосферы и осмотрел ближний космос.

Никакого Астаракса. Кораблей, космических станций и спутников. Следов остаточного излучения.

В эфире тишина.

Здесь не было ответов, но они могли появиться в космопорту.

Перемещение было мгновенным. Я появился в западной оконечности материка в ста метрах над землей.

Космопорт разрушен.

Оплавленный камень летного поля, сгоревшие звездолеты. Пассажирский лайнер разорван пополам.

Корабли из необратимого сплава, безразличного к пламени звезд и метеоритному потоку, смяты, рассечены.

Я думал о том, кто это сделал.

О его силе.

Дорога к монорельсу превратилась в стеклянное поле. Тут и там встречались обугленные скелеты в броне.

Те, кто пытался его остановить.

И я понял, что он не обращал их, не отпускал души, не добивал. Они умирали в жидком стекле живыми.

Я вошел в здание форта.

Вместо людей — серые пятна на стенах. Одежда на полу. Заправленные кровати. Фотографии семьи и детей.

Коснулся командирских часов на столе: они рассыпались в пыль.

Я продолжил поиски.

Летел над океаном, вглядываясь истинным зрением в бездну.

Искал небесные города.

На планетах с преобладанием воды небесные города встречались всегда.

Небесный город выглядел островом в небе. Несколько жизней я жил на таком.

Уютное место.

Базальтовое плато с силовой установкой корпорации ZEN. Скалы и деревья окружали дома и небоскребы, улицы с людьми, машинами и светофорами.

Я нашел их на дне океана.

Небесные города были сбиты и затонули в океанской впадине. Возможно, капитаны пытались скрыться под водой за силовым полем.

Один остров упал у архипелага.

Здания и улицы выходили из воды на поверхность. Побродив по безлюдному городу, я нашел вход к силовой установке и увидел то, что ожидал.

Отключена.

Повредить или отключить силовую установку, даже теоретически, было невозможно. Инженеры ZEN предусмотрели все.

Но он смог.

Уровень силы измерялся числом «А».

Я знал нескольких «ААА», мы дружили. Невероятные, со светящимися аурами, не показывали могущества. Четыре и Пять «А» нельзя распознать, если они не хотели.

Чтобы отключить силовую установку, требовались Семь «А».

Интересно, кто это сделал?

Кинул вторую луну на солнце. Сжег звездолеты и космопорт. Утопил в океане небесные города.

Я приступил к желанию девочки.

Морские львы с рогом на голове отдаленно напоминали земных.

Им пробивали лед, поднимаясь на поверхность, рыли пещеры в снегах. Сражались с врагами. Охотились на большую рыбу.

В планетарной истории я заметил главу о морских львах. Они обитали во льдах у южного полюса.

Координаты были условными, и я летел, ни на что не рассчитывая. Удивляясь, обнаружил пещеры.

Вошел в грот.

На лежанке с закрытыми глазами лежала пара морских львов. Один давно умер и мумифицировался, надо лбом возвышался маленький женский рог. Он встречался редко и обладал исключительной ценностью.

Я собрался обломить его.

Неожиданно второе животное открыло глаза и, приподняв голову, посмотрело на меня. Старый морской лев, греющий своим теплом умершую подругу.

Я наложил на льва намерение, показывая создаваемое мной будущее: «Я забираю рог, да будет так».

Обычно этого достаточно в общении с животными, но я не знал, что морские львы разумны.

Он показал картинку.

Морскому льву нужна рыба Глаа, обитающая в Ирийской впадине, во мгле. Лев слишком стар для путешествий.

Я мог настоять, но не стал: это не сделало бы меня счастливым.

Послал мысль: «Я согласен».

Морской лев вернул короткий фильм, запись памяти с видами Ирийской впадины и маршрутом. Однажды в молодости, много лет назад, он путешествовал с подругой.

Картинка показала координаты, я мгновенно переместился и завис над океаном.

Закрыв глаза, погрузился в бездну. Волнение постепенно прекратилось. Мне не требуется воздух, и я не дышу.

На глубине было темно, непроглядная чернота. Я открыл и расширил глаза, осмотрелся истинным зрением.

Чернота вокруг рассеялась, и я увидел, что окружен рыбами Глаа.

Тысячами рыб.

Они знали, что я приду.

Разговор не задался с первой секунды.

Я обратился к ним как к разумным. Послал историю девочки, историю льва.

Отвергнуто. «Не наше дело».

Прошу снова.

Они не хотят слушать, а я не хочу возвращаться ни с чем. Накладываю намерение на стаю: «Одна из вас пойдет со мной». Показываю будущее. Показываю, что это произойдет в любом случае.

Рыбы возражают, обнажая острые зубы.

Я им надоел.

Они развернулись, чтобы уплыть, но остановились.

— Я пойду, — выплыла вперед молодая рыба. — Потом просто приму рождение снова.

И представилась:

— Кэн... И вот мое условие.

Он послал мне не просто запись памяти, а запись мечты.

Потрясенный, я смотрел на него.

Рыбы Глаа были не просто разумными. Они были разумными второго порядка. Они могли мечтать.

Сняв куртку, я обернул Кэна, чтобы не выскользнул на высоте. Прижал к груди. Мы медленно поднимались, сглаживая перепад давлений.

Остановился у поверхности.

Предполагая, что Кэну мучительно дышать воздухом, я положил руку на голову, чтобы погрузить в сон.

Кэн возразил.

— Не сейчас, — сказал он, — когда закрою глаза.

Я кивнул, прижал крепче и взлетел над бушующим океаном сквозь метель.

На пяти километрах облака расступились.

Я торопился, дорога была каждая секунда. Сместился к магическому уровню сильнее обычного, здесь время текло иначе, давая Кэну насладиться закатом, подсвеченными холмами облаков.

Полетом и ветром.

Я ощущал его эмоцию. Это был не страх — восторг.

Кэн закрыл глаза:

— Сейчас.

Я положил руку ему на голову и погрузил в сон.

Мне казалось, что сознание Кэна отделилось и какое-то время мы вместе летели под небесами, совсем рядом.

А потом это ощущение исчезло.

Я оборвал полет.

Теперь мы падали с высоты, пронзив снежные облака, к бушующему серому океану. Я прижал куртку с Кэном к рубашке.

В пещере было светло, стены поросли люминесцентным мхом. Я положил Кэна на плоский камень у стены, как на алтарь.

Морской лев ждал.

Неожиданно он вставил рог в щель между плитами и, упав вниз, с криком сломал свой прекрасный рог.

Я поднял теплую кость, хранящую воспоминания: молодость, встреча с любимой, океан, лед и солнце, дети — и они выросли, — старость.

Тут я увидел, что его подруга, которую я считал мертвой, подняла голову и смотрела на меня.

Но я уже летел к рыбам.

Мы встретились на новом месте, где не было ветра. Погрузился на глубину.

Рыбы ждали.

Спокойная вода в бухте светилась темно-синим свечением.

Я вынул из кармана кристалл. Протянул вперед на ладони и отпустил — кристалл повис между нами.

Это была память Кэна, его последние минуты. Беспристрастная запись событий, сфокусированная моей волей в кристалл.

Я запустил фильм.

Кристалл передавал запись со всеми ощущениями прямо в мозг. Мы смотрели глазами Кэна: как выходим из глубин, поднимаемся и летим над облаками.

Восторг, ветер и солнце.

— Достаточно, — сказал старший. — Мы запомним его таким.

Я остановил картинку, кристалл распался серебристыми блестками.

— Зачем запоминать? — удивился я. — Скоро расскажет сам.

Повисла пауза. Потом старший сказал:

— Мы не реинкарнируем. Если уходим, то навсегда.

И пояснил:

— Он не хотел тебя расстраивать.

Я висел в морской толще. Кэн не заснул, а умер, от него осталась только запись.

Рыбы смотрели удивленно.

Вдруг одна из них подплыла и ткнулась в грудь, прямо в переливающуюся оттенками красного метку, и сказала:

— Эй, человек. Не плачь. Все хорошо.

Мне показалось, что разумная рыба вздохнула. Объясняя человеческому несмышленишу элементарные вещи, известные с икринки любому мальку.

— Мы вместе поднялись в небеса. Летали над облаками, видели закат. Познали красоту и радость полета. Кэн оставил больше, чем любой из нас.

Повернулась к остальным:

— Эй, мелюзга, рассмешите его. Эти люди такие чувствительные.

Косяк мальков двинулся ко мне, и через мгновение они тыкались сотнями щекочущих ртов. В лицо, в шею, в ноги, забивались под рубашку и штаны, трепыхались там, пробираясь на волю через воротник. Прятались в карманах и в притворном ужасе выскакивали прочь.

И я невольно рассмеялся.

Колесо жизни двигалось не переставая, оно и не собиралось останавливаться. Это надо было принять.

Настал черед взрослых рыб.

Они степенно проплывали мимо, совсем близко, так, что я кожей чувствовал движение плавников и вибрацию воды. Некоторые вскользь касались руки или лица.

Последними подплыли родители.

Они были значительно больше меня, по сравнению с ними я выглядел мальком.

На загрубевшей коже виднелись глубокие следы когтей и зубов, шрамы бывших сражений, прилипшие раковины путешественников-симбионтов, поросшие донным мхом.

Родители на мгновение задержались рядом и ушли во мрак.

Я поднялся в небеса и летел над облаками.

В полном смятении думал о том, что увидел сегодня.

Думал о Маленьком Императоре, морских львах, о рыбах Глаа.

Черeda жертв, и как они приняли неизбежное, поразили меня.
Я летел, сжимая в руке рог.

9.

Город Снов встретил синими сумерками.
Я отыскал окно девочки и невидимый прошел сквозь стекла.
Взрослые пили чай в гостиной, а дети спали. Положил рог морского льва на стол среди игрушек и символов детства. Рисунков карандашом в свете ночника.
На последнем силуэте в морской бездне, окруженный рыбами Глаа.
Дина.

Так ее звали.

Я осмотрел ее брата истинным зрением. Ошибка в коде, меняющая реальность, делающая особенным.

Не таким, как все.

Препарат из рога поможет. Через неделю геном будет исправлен, мозговые структуры восстановлены, и он исцелится.

С сестрой дело сложнее.

Она была больна, почти умирала, но просила за брата.

Я посмотрел записи будущего. Дина не имела отношения к Ритуалу, поэтому ее записи были доступны.

Так и есть.

Смерть в конце следующей недели.

В записях отсутствовал запрет на вмешательство. Я имел полный доступ. Изменение судьбы не будет иметь отрицательных последствий. Девочка проживет долгую и счастливую жизнь.

Она призвана рисовать.

У исцеления была цена, но меня это не волновало. Кэн заплатил свою цену, а я заплачу свою.

Когда-нибудь.

Я сместился из физического мира чуть выше, к магическому слою реальности, и убрал опухоли из ее головы, легких и печени, которые видел как сгустки тьмы.

Руками очистил кровь и лимфу.

Прошелся сквозь ткани, с макушки до кончиков пальцев на ногах, ладонями забирая последние затемнения, и перезапустил тело.

Посмотрел линию времени.

Дата смерти исчезла из записей следующего месяца и перенеслась в будущее.

Пока я занимался девочкой, мое внимание привлекло зеркало в дальнем углу. Вспыхивающие в глубине зарницы.

Я постоял пару минут у кровати, наблюдая, как она дышит.

И вошел в зеркало.

Оставалось забрать ключ, поднять с этажей сна аппаратуру, выгрузить из лифта и вернуть меч с ключом Принцу.

И я хотел знать, что Маленький Император в порядке.

Зарницы прекратились, зеркальный мир прогрузился во мглу.

Номер девочки был за стеной, но зеркало 303 оказалось далеко от зеркала 301, как и от зеркала впечатлительной дамы.

Я не обнаружил в комнате Маленького Императора. Платяной шкаф в углу. Свет торшера. Доспехи Роберта тускло мерцали в сумраке.

Дамы не было.

Высунув руку из зеркала, я оставил точку наблюдения над рамой.

Щупальца Джосс, безразлично замерев, караулили меня в зеркальном мире, как плотоядное растение поджидает легкомысленного мотылька.

Хитро.

Рассмеявшись, я сбросил с ноги кроссовок, затем второй. Щупальца с остервенением растерзали их.

Смеясь, я полетел дальше.

Здесь мне вход заказан, но я собирался найти другой способ.

Путешествуя, я расставил точки наблюдения и теперь спешил запустить схему. Ритуал закрыл будущее, но не настоящее.

Я приближался к зеркалу 301.

— Хрениссимо... — из меня вырвалось одно из абуминовых словечек.

Впечатлительная дама обыскивала нашу ванную. От изумления я забыл затормозить и на полном ходу впечатался в зеркало с обратной стороны.

Охнув, стек вниз.

Вернувшись к светлomu проему, столкнулся с дамой нос к носу; она приблизила бледное лицо, заглядывая во тьму.

Я хлопнул рукой по стеклу.

Вытаращив глаза, дама уставилась на мою ладонь.

Лицо упало в сторону.

Я не мог выйти из зеркала, дама заперла его изнутри. Через дверь видел, что в номере темно. Абуминок не вернулся с прогулки.

Полетел к зеркалам Коридора Сомнений в надежде отыскать Принца.

Кабинет был пуст.

Но я обнаружил коридоры, невидимые днем; они расходились от кабинета: Размышлений, Искушений, Сомнений, Испытаний, Разочарований.

Каждый заканчивался лифтом.

Я свернул в Коридор Размышлений и услышал окончание разговора.

Голос Принца, страшный и тихий:

— Ты что творишь? Он мог обратиться в машину.

Мэр ответил неразборчиво.

— Если с ним что-то случится, — бесцветно сказал Принц, — я сам... тебя уволю.

Слова произвели на мэра сильнейшее впечатление.

Мэр сползал по стене.

Я не стал ждать конца и скрылся в зеркале Коридора Размышлений.

Мимо пролетел кусок разодранного кроссовка. Джосс ждала доброго мальчика на ужин. Щупальца чужли мое тепло, и я обогнул их по кривой.

Вышел в Зале Правды.

Темные зеркала ничего не отражали, и я полетел к Залу Пауков. Догадался, что ночью залов больше, чем днем, но не смог открыть дверь в следующий.

Я вернулся в комнату девочки. Посмотрел минуту, как бьется сердце. Прошел сквозь стену в номер 301.

Материализовался на глазах Ильи.

Абуминок крутил в руках черную электрогитару, вздрогнул и едва не выронил на пол.

— Эй, бро... Через дверь не пробовал? А если я не один?

— С кем?

Выхватив меч из ножен, я заглянул в ванную.

Никого. Дама исчезла.

— А если сам с собой? Сочиняю... И тут призрак из стены.

— Ага... Призрак в опере. Гитара откуда?

— Нашел, — буркнул абуминог. — Чего мрачный?

И принялся.

— Ты где это был?

— Рыбачил.

Я прошел в ванную комнату.

Ладонью снял запрет с ящика под умывальником. Диск и простреленные эвересты были на месте.

Положил к ним клинок Принца.

Сбросил одежду на кафед, она пропахла ветром, соленой водой, рыбой Глаа. И вошел под горячие струи.

Через несколько минут открыл шторку душа и ступил на напольное полотенце. Опустил грязную одежду в ящик для белья.

Дубль три.

Мне нужно было собрать схему в зеркале и подключить точки наблюдения. Схема состояла из заклинаний и импульсов воли, соединенных в исполняемый код.

Я настроил первую точку и получил видео. Джосс выползла из своего угла, мурлыкая, пилкой полировала ногти.

Готовилась.

Остальные точки не показывали ничего особенного. Паук смотрел в потолок. В номере дамы без изменений.

Луна взошла над горизонтом. Город Снов в вечерних огнях. Океан.

Я погасил трансляцию.

Критично осмотрел свое отражение в зеркале.

Для дуэлей я выглядел не очень и плавал средне. По сравнению с рельефными близнецами никаких мышц.

В реальном поединке не продержусь и минуты. В магическом... Зависело от обстоятельств.

На низком комоде лежали две одинаковые стопки одежды. Трусы, носки, футболка и длинные шорты. Видимо, Энн принесла из гардероба.

В светлой гамме под цвет этажа, с вышитым серебристой нитью номером 301 с гербом гостиницы.

Рядом висели полотенца и халаты.

Белый халат, равно как и белые тапочки с белыми носками я отверг, обтерся полотенцем и оделся.

За дверью взревела гитара, кто-то лихо отжигал сольную партию.

Илья вытащил в центр комнаты ящик усилителя и подключился. Выкрутил ручки в овердрайв.

Я показал счастливому абуминогу большой палец вверх. Усилитель давал отличный звук.

Он убавил громкость.

— Гитара — космос. Осталась от прежнего владельца. В чулане... представляешь? Но я этому не верю.

Я вопросительно глянул на друга.

— Почему нет?

Абуминог пояснил:

— Кастомное издание двадцатого века. Видел в музыкальных журналах. И однажды в антикварном магазине... Подключили, поиграл полчаса. Такие не забывают в кладовках.

— Если только их владельцы не исчезают внезапно.

— Думаешь, его убили?

— Почему сразу «убили»? — удивился я.

Хотя после того, что видел и слышал сегодня, ничего не мог исключать.

Но сказал:

— Он мог просто уехать.

Абуминог провел по струнам, сверяясь с внутренним камертоном. Взял несколько аккордов, посмотрел на меня:

— Строит идеально.

В черном дереве под струнами летела серебряная птица. Силуэт инкрустирован в лады. Воробей.

Взмахивал крыльями в третьем, расправлял в пятом, скользил в седьмом и девятом. Снова взмахивал серебром в двенадцатом. И продолжал полет.

Илья вздохнул:

— Вторая странность... Не нашел медиаторов и струн. Нет и других мелочей. Каподастр, ремкомплект, кабели, педали, тюнер... Целый чемодан наберется.

Я показал взглядом на красный треугольник в абуминовой ладони:

— А это что?

— Это мой, — глухо ответил он. — В кармане был, когда...

Абуминог замолчал.

Но было понятно, что он вспомнил Землю, родителей, и неожиданная тоска по дому накрыла абуминога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.